

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

11.1

3 выпуска в год на множестве языков

Говорящая социология:
интервью с С. М. Родригес

Маргарет Абрахам

США: положение
и возможности

Питер Эванс
Габор Шейринг
Кристофер Мюллер
Суреш Найду
Патриша Завелья
Дж. Миджин Ча
Маркус Энтони Хантер

Китайская
миграция
в Европе

Фанни Бек
Пал Ньири
Я Хан Чуан
Эмили Тран
Элен Ле Бай
Стиг Тёгерсен
Эстер Кньихар
Линда Сабо
Тин Дэн
Елена Гледич
Мартина Бофулин

Теоретические
перспективы

Уолден Белло

Социология из
Латинской Америки

Эстебан Торрес
Жозе Маурисио Домингес
Вивиан Брачет-Маркес
Серджо Коста
Альдо Маскареньо
Вероника Гаго
Кармен Илсарбе
Мариана Эредиа
Гильерме Лейте Гонсальвес

Открытый раздел

> Представляем польскую команду
«Глобального диалога»

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 11 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2021
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

Во время подготовки к печати этого номера ГД одной из основных тем глобальных медиа были выборы в США. Сейчас наступила пост-трамповская эра, что, однако, не означает разрешения проблем, с которыми столкнулись США в последние годы. В разделе «Говорящая социология» опубликовано интервью Маргарет Абрахам с социологом и активистом движения *Black Lives Matter* С.М. Родригес. В интервью обсуждается история борьбы с расизмом в США, переплетение разных механизмов социального неравенства и проблемы социальной справедливости, которые и вызвали это движение.

События, связанные с выборами в США, а также перспективы и возможности американского общества освещаются в статьях симпозиума, который подготовили Питер Эванс и Майкл Буравой. В этих статьях рассматриваются исторические перспективы расово определенного капитализма в США, анализируются эффекты экономических и политических изменений последнего десятилетия, включающие снижение социальной поддержки населения, напряженные отношения между рабочим классом и цветными сообществами, экологические проблемы, изменение климата, а также разрушительные последствия политики Трампа, результатом которой стали поразившие всех январские события в Вашингтоне. Авторы обсуждают перспективы изменения сложившейся ситуации.

Второй симпозиум, посвященный китайской миграции в Европе, собрали Фанни Бек и Пал Ньири. В статьях представлен исторический обзор и анализ последовательных волн китайской миграции в Европу. Авторы анализируют статус этих миграций, сложные межэтнические отношения в европейских обществах, влияние этих отношений на политическое развитие Китая, а также влияние пандемии COVID-19 на дискурс о мигрантах и их положение.

В последние годы мы наблюдаем рост влияния крайне правых движений, партий и режимов, для которых последствия неолиберализма, экономические кризисы и нерешенные проблемы множественного социального неравенства создали окна возможностей. В теоретическом разделе Уолден Белло сравнивает различные аспекты политических программ и практики лидерства крайне правых на Глобальном Севере и Глобальном Юге.

Раздел, представляющий социологию различных регионов, в этом номере посвящен Латинской Америке. Эстебан Торрес собрал в едином симпозиуме статьи, предлагающие нам путешествие в поле социальных теорий, разработанных выдающимися исследователями. Большинство этих ученых являются активными участниками рабочей группы *Teoría social y realidad latinoamericana* («Социальная теория и реальность Латинской Америки») Латиноамериканского Совета по социальным наукам (CLASCO).

В открытом разделе номера представлены участники польской команды редакторов-переводчиков. Таким образом создается представление о разнообразии исследовательских интересов и профессиональной подготовки авторов и сотрудников журнала.

Мы с радостью выражаем благодарность Кристине Шикерт за ее работу в качестве помощника редактора Глобального Диалога и приветствуем ее преемника Валида Ибрахима (Йенский университет, Германия). ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на множестве языков на [сайте МСА](#).

> Статьи присылайте на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

ISA International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Валид Ибрахим.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грейс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен Макдэниэл, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахроки.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Алжир) Сурайя Мулуджи Гарруджи; (Марокко) Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Магдалена Лемус, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хондкер, Хайруль Чаудхури, Мохаммад Джасим Уддин, Биджой Кришна Баник, Сабина Шармин, Себак Кумар Саха, Мохаммед Джахируль Ислам, Абдур Рашид, Саркер Сохель Рана, Джувель Рана, Хелаль Уддин, Масудур Рахман, Б. М. Наджмус Сакиб, Эашрат Джахан Аймун, Шамсиль Арефин, Ясмин Султана, Шахидуль Ислам, Экрамур Кабир Рана, Салех Аль-Мамун, Шармин Актер Шапла, Рума Парвин.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас, Жозе Гирадо Нето, Жессика Массини Мендес.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Сандип Мил, Прагья Шарма, Маниш Ядав.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухамад Муталеби.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул, Мадияр Алдияров.

Польша: Юстына Кошинская, Джонатан Сквил, Сара Герчиньская, Вероника Пек, Александра Вагнер, Александра Бернацкая, Якуб Барщевский, Адам Мюллер, Зофия Пенза-Габлер, Ивона Бояджиева.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Юлиан Габор, Моника Георгеску, Йоана Януш, Бьянка Михэйлэ, Вероника Оанча, Мария Стойческу.

Тайвань: Вань Цзюй Ли, Тао Юн Лу, Цзун Жэнь Хун, Сюань Ли Жэнь, Юй Цзя Чжэнь, Юй Вэнь Ляо, По Шун Хун.

Турция: Гюль Чорбаджогу, Ирмак Эврэн.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Этот симпозиум освещает **положение в США и возможности его изменения** после президентских выборов 2020 года. Статьи охватывают исторические перспективы и анализируют эффекты экономического и политического развития последнего десятилетия. Обсуждая события января 2021 года в Вашингтоне, авторы обращают свой взгляд в будущее и рассуждают о возможных методах разрешения проблем.

В этом разделе представлено широкое разнообразие исследований, посвященных **китайской миграции в Европу**. Некоторые статьи фокусируются на миграционных потоках XX века, другие рассматривают существенные изменения социально-экономического статуса китайских мигрантов в XXI веке.

Перед лицом глобальных вызовов современности все большую значимость приобретает **социальная теория Латинской Америки**. В этом разделе во всей широте и разнообразии демонстрируются оригинальные теоретические разработки социологов Латинской Америки. Исследования представляют локальный взгляд, встроенный в глобальную теорию.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В номере

От редакторов **2**

> ГОВОРЯЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Выдающееся значение движения *BLM*
Интервью с д-ром С. М. Родригес
Маргарет Абрахам, США **5**

> США: ПОЛОЖЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ

Как можно изменить ситуацию в США?
Питер Эванс, США **9**

Смерть от отчаяния и здоровье демократии:
вызовы социологии
Габор Шейринг, Италия **11**

Обладатели человеческого капитала
Кристофер Мюллер и Суреш Найду, США **14**

Будущее репродуктивных прав в США
Патриша Завелья, США **16**

Борьба за климатическую справедливость
и администрация Байдена-Харрис
Дж. Миджин Ча, США **18**

Радикальные репарации
Маркус Энтони Хантер, США **20**

> КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕ

Изменение места китайцев в Европе
Фанни Бек, Венгрия, Пал Ньери, Нидерланды **22**

От молчания к действию: китайцы во Франции
Я Хан Чуан, Франция, Эмили Тран, Гонконг, Элен Ле Бай, Франция **24**

Китайские студенты в Европе
Стиг Тёгерсен, Дания **26**

Китайские мигранты с «золотой визой» в Будапеште
Фанни Бек, Эстер Кньихар, Линда Сабо, Венгрия **28**

Китайцы в Италии: бизнес и идентичность
Тин Дэн, США **30**

Изменение статуса китайцев в Сербии
Елена Гледич, Сербия **32**

Китайские мигранты и пандемия COVID-19
Мартина Бофулин, Словения **34**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективы сравнительного анализа
крайне правых режимов
Уолден Белмо, США **36**

> СОЦИОЛОГИЯ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Универсалистские цели латиноамериканской социологии
Эстебан Торрес, Аргентина **39**

Мировая парадигма: новая идея для социологии
Эстебан Торрес, Аргентина **40**

Соединяя глобальную социологию с глобальной
современностью
Жозе Маурисио Домингес, Бразилия **42**

Историчность теории: идеи для Латинской Америки
Вивиан Брачет-Маркес, Мексика **44**

Переосмысляя взаимозависимости
Серджо Коста, Германия **46**

Эпоха недосмотра: системная теория кризисов
Альдо Маскареньо, Чили **48**

Изучение неолиберализма в Латинской Америке
Вероника Гаго, Аргентина **50**

Развитие постлиберальной грамматики
Кармен Илизарбе, Перу **52**

Шкалы, неравенства и элиты Латинской Америки
Мариана Эредиа, Аргентина **54**

Первоначальное накопление и критика права
Гильерме Лейте Гонсалвес, Бразилия **56**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

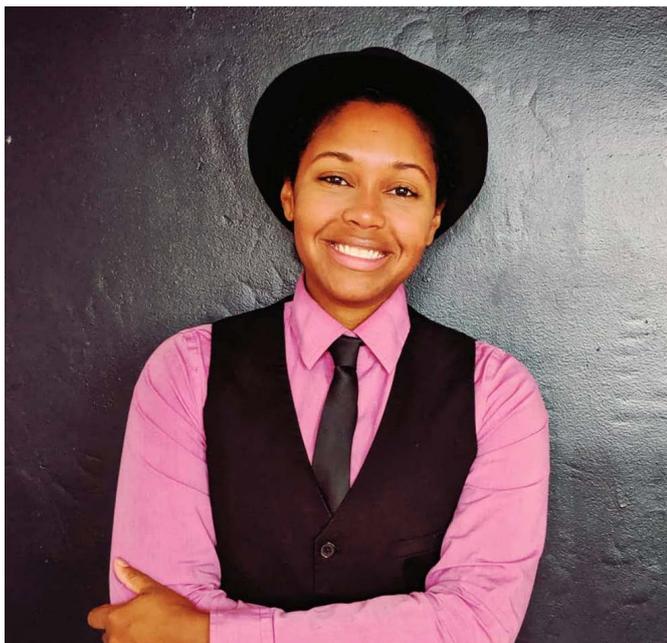
Представляем польскую команду «Глобального диалога» **58**

“Европейцы и североамериканцы до недавнего времени принимали без сомнений универсальный характер своих концепций и не испытывали затруднений, обобщая выводы, сформулированные на основе изучения частного европейского опыта. Исследователи из Латинской Америки, напротив, начинали рассуждения со своей специфики и принципиально отрицали универсальный характер своего опыта и его теоретизации”

Жозе Маурисио Домингес

> Выдающееся значение движения BLM

Интервью с д-ром С. М. Родригес

С. М. Родригес.

Management in a Transnational Age [Невидимость имеет значение: квир-организация в Африке и управление видимым присутствием в транснациональную эпоху]; *Queer Abolitionist Alternatives to Criminalising Hate Violence* [Квир-аболиционистские альтернативы криминальному насилию и ненависти] (в печати); а также *Not Behind Bars: The Rippling Effect of Carceral Habitus and Corrective Violence on the Family and Community Life of Prison Guards* [Не за решеткой: волновой эффект карцерного хабитуса и корректирующего насилия в семейной и общественной жизни тюремных охранников] (в печати). В настоящее время д-р Родригес работает над двумя монографиями крайне инновационного содержания: *Abolition in the Academy: Scholar-Activism and the Movement for Penal Abolition* [Аболиционизм в мире науки: академический активизм и движение за упразднение наказаний] и *Marked for Removal: Perpetual Coloniality, Gentrification, and Queer Abolitionist Praxis in New York City* [Предназначенные к сносу: вечная колониальность, джентрификация и квир-аболиционистская практика в Нью-Йорке]. Исследователь много лет работал в коллективе *Safe OUTside the System*, а затем стал членом Совета директоров Проекта Одри Лорд – крупнейшей организации цветных квир-персон в США. Деятельность д-ра Родригес поддерживается различными грантами, пожертвованиями и стипендиями, в том числе постдок-стипендией Американской ассоциации женщин в университетах (2020–2021) и программой поддержки меньшинств Американской социологической ассоциации (2014–2015).

Интервью с д-ром Родригес провела **Маргарет Абрахам**, президент МСА прошлого созыва, старший проректор и лауреат премии Гарри Вахтела, почетный профессор Университета Хофстры.

Д-р **С. М. Родригес** (Самар Родригес-Фэйрплэй; местоимение – они) занимает должность доцента криминологии и является директором Центра исследований ЛГБТК на факультете социологии Университета Хофстры. Родригес – автор монографии *The Economies of Queer Inclusion: Transnational Organizing for LGBTI Rights in Uganda* (2019) [Экономики квир-инклюзивности: транснациональная организация защиты прав ЛГБТИ в Уганде] (2019), в которой анализируются последствия транснациональной организации и финансирования локального активизма. Список публикаций автора включает такие работы, как *Carceral Protectionism and the Perpetually (In)Vulnerable* [Карцерный протекционизм и вечно (не)уязвимые]; *Invisibility Matters: Queer African Organizing and Visibility*

МА: Что представляет собой движение **Black Lives Matter**?

СМР: Говоря о *Black Lives Matter*, обычно имеют в виду одну из трех различных, но взаимосвязанных вещей. Во-первых, это единая глобальная организация, основанная в 2013 году, различные структуры которой расположены в США, Канаде, Великобритании. Основными задачами движения являются борьба с белым превосходством и государственным насилием против людей африканского происхождения, а также формирование общественной силы,

необходимой для устойчивости антирасистского общества. Во-вторых, *BLM* – это лозунг, обращенный к реальной жизни африканских народов всего мира; он утверждает: мы существуем, наша жизнь имеет значение. И наконец, а возможно, и чаще всего – это Движение за жизнь темнокожих людей (*Movement for Black Lives, M4BL*). Это зонтичная организация или коалиция многих организаций в защиту расового правосудия, большинство из которых существуют гораздо дольше, чем *BLM*. Такое разнообразие трактовок стоит иметь в виду, поскольку медиа склонны обозначать все протесты против полицейского произвола

>>

как события движения *Black Lives Matter*, независимо от реальных аффилиаций организаторов и участников коллективных действий.

Название *BLM* – блестящая находка. Этот лозунг апеллирует к повестке всех антирасистских инициатив; чувства, вызванные этим словосочетанием, возникают быстрее, чем организации, входящие в движение. *Black Lives Matter* – это лозунг, который по своей значимости в новом тысячелетии подобен призывам *Black is Beautiful* и *Black Power*: это не столько централизованное движение, сколько система убеждений и коллективное устремление.

МА: Каковы сходства и различия между черными движениями прошлого и современным движением BLM? Каковы стратегии, направленные на разрушение статус-кво?

СМР: Сообщество людей, существующих на маргиналиях государственных социальных услуг, имеет в США богатую и долгую историю взаимопомощи и организации. Взаимопомощь подразумевает возможность делиться ресурсами и ответственностью, что является неотъемлемой составляющей отношений в сообществе. Такая логика существенно отличается от рациональных отношений между государством и гражданином. На протяжении своей истории движения чернокожих выдвигали требования, адресованные государству, но практически никогда не представляли государство как главного актора. Это касается также и Партии черных пантер, чья программа состояла из десяти пунктов, где сформулированы требования репараций за рабство и геноцид. По замыслу Черных пантер распределение ресурсов должно было осуществляться сообществом. Движение *Black Lives Matter* аналогичным образом выступает с требованиями репараций и стремится положить конец различным формам ущерба, но при этом не считает, что перераспределение должно осуществляться по усмотрению государства. У. Э. Б. Дюбуа в монографии *The Souls of Black Folk* [Души черного народа], посвященной истории Бюро по делам вольноотпущенников, подчеркнул ограниченные возможности государства в борьбе с последствиями рабства. Бюро по делам вольноотпущенников – федеральное учреждение, созданное в 1870-е годы с целью защиты гражданских прав черных американцев и включения их в сферу оплачиваемого труда – довольно быстро свернуло свою деятельность, поскольку не в полной мере было готово бороться против белого расизма (в особенности ку-клукс-клана) и тех белых расистских правовых инициатив, которые способствовали криминализации жизни черного населения США.

Мы наблюдаем множество свидетельств исторической преемственности: требования безопасности, достоинства, свободы от политического угнетения, лидерства черных женщин и представителей ЛГБТ; борьба против полицейского произвола, государственных репрессий, расистских контрдвижений, безнаказанности белых. Однако многое со временем изменилось, и это тоже важно. В некоторых городах, особенно на Среднем Западе, в акциях движения *BLM* участвуют белые. Исторически в этом регионе было совсем немного прямых действий протеста. Мы также наблюдаем очевидную виктимизацию белых участников протеста со стороны военизированной полиции и контрдвижения белых расистов, которые убили несколько белых сторонников движения *BLM*! В ходе активистских поездок *Freedom Rides* белые активисты (многие из них – евреи) подвергались избиениям за участие в Движении за гражданские права – так что тут особенной разницы не видно.

Но я не припомню таких эпизодов в нашей истории, когда полицейские избивали пожилых белых мужчин, молодая белая женщина была намеренно сбита машиной, а двух белых мужчин насмерть застрелил белый же подросток. То есть даже если черные по-прежнему остаются объектами государственного насилия, мы столкнулись с новой реальностью – во время акций беспрецедентно страдают белые участники движения. Такие изменения указывают на важные инновации в государственных репрессиях: происходит милитаризация полиции, которая сочетается не только с полной оптической открытостью СМИ и социальных медиа, распространяющих информацию обо всем происходящем в обществе, но и с возрожденным духом политического контроля.

МА: Может ли движение BLM преобразовать системный расизм в США? Чего могут стоить структурные изменения?

СМР: Я думаю, мы должны задаться иным вопросом: *какие формы изменений необходимы для того, чтобы жизнь чернокожих имела значение?* Не стоит думать о *BLM* как о единой организации, имеющей четкую цель; скорее это объединяющий лозунг. В своей работе я изучаю трансформативную справедливость, которая находится в фокусе организаторов движения *BLM*, исследую феминистское движение против тюремного заключения, а также организации, протестующие против насилия. Превращая ценности в реальные практики, мы способствуем структурным изменениям, необходимым для превращения *BLM* из мантры в социальную реальность.

МА: Как связаны между собой гендер, раса и класс в контексте движения BLM?

СМР: *BLM* – удивительный пример движения, которое с самого начала существования базируется на принципе интерсекциональности. Оно было основано тремя женщинами африканского происхождения, две из которых являются квир-персонами. Таким образом, слоган *BLM* никогда не отражал борьбу за справедливость в отношении единственной категории – чернокожих американцев. Исторически движения, протестующие против жестокости действий полиции, в центр своего внимания помещали чернокожих гетеросексуальных мужчин. Критики утверждают, что эта категория получила непропорционально большое внимание в этом движении, но основатели движений думали иначе. Такой перекос внимания, как мне кажется, отражает десятилетия коллективной памяти о движении за гражданские права чернокожего населения, которое действительно особое внимание уделяло положению гетеросексуальных черных мужчин и мальчиков. Мы знаем, каково это – оплакивать Оскара Гранта, и память об этом событии создает формат оплакивания убитого полицейскими Филандо Кастия. Мы помним, как мы горевали об Амаду Диалло, и это научило нас горевать об Альфреде Оланго. Ось угнетения (расово определенная маскулинность) может позволить нам разработать четкие линии нарративов об ответственности и ошибках. На основе проанализированного опыта мы можем выступить с достаточно простыми требованиями: «арестовать копов-убийц». Когда мы интегрируем в повестку движения черных женщин и квир-людей, мы предлагаем дополнительные уровни нюансировки, которые не имеют согласованного идейного основания. Так мы инициируем диалог, который в нашей истории был полностью подавлен. Это означает, что когда в социальных медиа появляются инициативы роста сознания, например флешмоб

>>

#SayHerName, мы не обнаруживаем готовой структуры для обсуждения распространённости насилия, его смысла и возмещения ущерба. Значительная часть насилия, с которым сталкиваются черные женщины и квир-люди, порождена интернализацией государственного насилия и полицейского контроля. Насилие становится возможным благодаря ослабленным отношениям внутри сообщества. Тем не менее именно оптика интерсекциональности позволяет нам не только увидеть перспективы достижения конкретной цели, но и помыслить трансформирующее изменение. В этом и заключается суть теории Кимберли Креншоу: когда мы помещаем в центр своего внимания потребности самых маргинализованных категорий населения, мы создаем наиболее всеохватывающие интервенции.

МА: Сейчас много споров по поводу проекта урезания бюджета полиции. Как в связи с этим BLM формирует потребность в реформе уголовного правосудия?

СМР: Предложения социальных изменений часто страдают от одних и тех же недостатков дискурсивной модели: больше всего внимания привлекает элемент отрицания. В данном случае гораздо проще фокусировать внимание на лозунгах отсутствия, требующих «покончить» с той или иной институцией, на том, что называется *негативным изменением*, поскольку это звучит очень громко и вызывает страх. С другой стороны, позитивная политика движения, творческая по своей сути, может вызвать удивление и породить интерес. Лозунг «сокращение полицейского бюджета» на самом деле многозначен; эти три слова отсылают к весьма насыщенному содержанию проекту. За лозунгом стоит требование *финансирования локальных сообществ*; в этой формулировке есть и негативное, и позитивное содержание – отсутствие и присутствие, отмена и создание. Во многих отношениях именно это должно представлять ключевой интерес для социологов. Основатель американской социологии У.Э.Б. Дьюбуа, предлагая в 1935 году понятие *аболиционистской демократии*, отмечал, что мы не сможем достичь прогрессивных аболиционистских изменений, не предлагая проектов создания нового общества. Мы должны инвестировать время, энергию и ресурсы в создание «учреждений, утверждающих жизнь» (*life-affirming institutions*, о которых писала Рут Уилсон Гилмор), которые придут на смену нашим тюремным учреждениям и структурам порабощения. Только так возможно «избавление» от рабства без образования на этом месте вакуума, который породит новые возможности для порабощения и лишения свободы. Вы спрашиваете, как BLM формирует потребность в таких изменениях? Лидеры нашего движения сегодня не только говорят о том, что должно быть уничтожено, но также описывают, что должно быть создано.

МА: Как медийный образ BLM повлиял на организацию граждан в защиту расового правосудия?

СМР: Любопытно – на мой взгляд, во время правления Трампа, т.е. в условиях прямого утверждения повестки белого национализма, медийный портрет черного протеста оказался более привлекательным. Основные медиа развивают фиктивный нарратив о политике жизни и смерти чернокожих как о новой угрозе – занимаясь тем, что Ахилл Мбембе назвал бы изобретением неотложности (*inventing urgency*). Несмотря на продолжающееся националистическое насилие государства над чернокожими, требования, которые раньше считались «неоправданными», вдруг предстали вполне разумными.

В своей работе *The Economies of Queer Inclusion* [Экономики квир-инклюзивности] я показываю, что внимание со стороны медиа может способствовать росту финансовой поддержки движения, хотя совсем не обязательно способствует росту понимания проблемы. Чем более сенсационен и суров образный ряд, тем больше поддержки может получить движение. Однако в основном поддержка поверхностна, и со временем включенность в движение идет на спад. Именно освещение СМИ в конечном счете несет ответственность за резонанс движения, которое затем получает значимое, но временное финансовое подкрепление! Множество частных доноров и фондов пользуются моментом для благотворительных пожертвований, которые способствуют улучшению их собственного имиджа. Медиа создают культурный образ и ощущение релевантности. Согласно моему исследованию, именно такой эффект вызвал Закон против гомосексуальности, принятый в Уганде. На деле подобный приток (или тайфун) финансирования порождает непредвиденные последствия. Как член совета директоров организации, борющейся за расовое правосудие, могу сказать, что этим летом под лозунгом BLM объединились инициативы, целью которых является расовое правосудие. Мы получили приток поддержки, когда люди напрямую столкнулись с политическим кризисом – и именно поэтому не можем рассчитывать на повторную удачу.

МА: Как прогрессивная повестка BLM повлияла на выборы и партийную политику?

СМР: Прогрессивная идеология черного движения, оставаясь в основном на маргиналиях электоральной политики, всегда оказывала влияние на мейнстримную политическую реальность. Вспомним, например, запущенную Партией черных пантер программу бесплатных завтраков, которая получила политическое признание в 1960-е, а затем в 1975 году была интегрирована государственными учебными заведениями. То же произошло в этом году, когда черное движение попыталось получить президентскую поддержку для программы репараций за рабство наряду с четырьмя другими демократическими социалистическими инициативами: программами всеобщего здравоохранения, аннулирования студенческого долга, доступа к высшему образованию в госуниверситетах, сокращения расходов на военных и полицию за счет роста вложений в ресурсы сообщества (детские сады, школы, спортивные центры и проч.). И вновь мы видим, что черные прогрессисты не получили того, чего хотели – то есть эта левая повестка не была включена в партийную программу кандидата в президенты от демократов. Лишь один раз во время первичных президентских дебатов прозвучал вопрос о возможности репараций за порабощение афроамериканцев. Тем не менее история учит нас, что за счет политической организации, идей и прогрессивных требований черного движения страна в итоге осваивает новое и обогащается.

МА: Социологи проблематизируют наше понимание общества. Назовите социологов, которые оказали влияние на Ваше видение политики и деятельности черного движения.

СМР: Социологи давно занимаются критикой тотальных институтов, и ученые-активисты, которые воспитаны на этой критике, создают инициативы для того, чтобы освободить общество от структур циклического наклеивания ярлыков, надзора и наказания. Я работаю сейчас над книгой об аболиционизме в академии. Я показываю, как многие социологи осваивали язык аболиционистского движения и приобретали соответствующую идентичность.

>>

Митинг Black Lives Matter, организованный выходцами из стран Карибского бассейна. Площадь Гранд-Арми-Плаза, Бруклин, Нью-Йорк, 14 июня 2020 года. Фото: Маргарет Абрахам.

В первую очередь упомяну работы Мариам Кабы (*Mariame Kaba*). Это очень значимая фигура аболиционистской мысли и практики. Она социолог по образованию и имеет докторскую степень. Одно дело – говорить о вкладе социологов, которые работают в высших учебных заведениях; совсем другое дело – увидеть влияние социологии в практической деятельности движения. Каба оказала влияние на развитие идеи BLM в Чикаго и других организаций Движения за черные жизни в Чикаго, включая проект *Black Youth Project 100*.

Среди ученых-активистов, которые повлияли на мое понимание движения и мое участие в нем – такие фигуры, как Бет Ричи (основательница *INCITE!*), Мими Ким (основательница инициативы *Creative Interventions*) и Лиат Бен-Моше, которая в своих исследованиях и общественной деятельности в центре внимания ставит опыт людей с ограниченными возможностями и душевными расстройствами. Я полагаю,

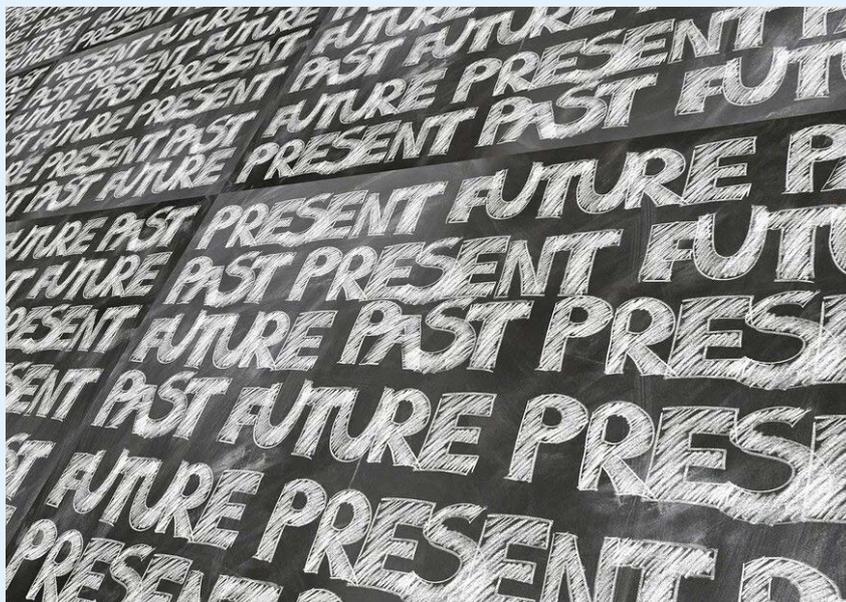
что эти три женщины находятся на передовой интеллектуальных инноваций; при этом они вовлечены в практики борьбы с карцерной системой наказания (карцерализмом).

Если говорить о том, что происходит за пределами США, то я высоко ценю работы Ванессы Эйлин Томпсон (Германия) и Сильвии Тамале (Уганда). Томпсон выявляет технологии сопротивления, используемые активистами и организаторам сообщества, борющимися против античерных и антимигрантских проявлений государственного насилия в Германии и Франции. Тамале, феминистская активистка и исследовательница, многие годы занимается защитой прав в связи с гендером и сексуальностью; она участвует в публичных акциях, направленных на преодоление культуры насилия. ■

Адрес для связи: S. M. Rodriguez <sm.rodriguez@hofstra.edu> или сайт www.smrodriguez.com

> Как можно изменить ситуацию в США?

Питер Эванс, Калифорнийский университет, Беркли (США), член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02), рабочих движений (ИК44), социальных классов и социальных движений (ИК47)

Анализируя политические, социальные и экономические изменения в США, произошедшие за последние четыре года, необходимо также изучить перспективы будущих трансформаций. Лицензия Creative Commons.

С середины двадцатого столетия траектория США являет собой пример глобальной эволюции капитализма. Можно ли утверждать, что США до сих пор является авангардом глобальной капиталистической эволюции? Если это так, на всех жителей Земли оказывает влияние наблюдаемая в XXI веке неспособность США поддерживать стандарты благополучия трудящихся классов, сформированные в XX веке, как и политические последствия этого явления.

Расшифровка истоков и последствий хаотического начала XXI века в США является серьезной аналитической задачей. Статьи далее – это пять впечатляющих попыток выполнить эту задачу. Все интерпретации представляют глубокий анализ, сфокусированный на конкретных сферах американской политической экономии, и стремятся ответить на вопрос о том, что можно предпринять, чтобы решить серьезные социальные проблемы, с которыми сталкиваются США сегодня. Набор статей далеко не претендует на всесторонний обзор темы, однако работы ниже составляют любопытную провокационную мозаику и предлагают продуктивный старт дебатам, которые, скорее всего, не оставят равнодушными тех, кто будет жить в США (или в тени США) в следующее десятилетие.

Начинает дискуссию Габор Шейринг, представляя новый индикатор снижения уровня жизни в США – рост смертности по причине «смерти от отчаяния» среди белых наемных работников, не имеющих дипломов об окончании колледжа. Разрушение средств существования трудящихся классов и сообществ, вызванное властью рынка, приводит

не только к росту смертности «от отчаяния», но и к тому, что недовольные трудящиеся начинают поддерживать исключительную политику правового популизма.

Кристофер Мюллер и Суреш Найду также основывают свои рассуждения на таком симптоме, как смерть от отчаяния. Их диагноз выявляет «социальные разделения, созданные исключением и эксплуатацией по критерию наличия дипломов об образовании», и политические последствия этой формы исключения. Сокращению существующего разрыва может способствовать увеличение доступности дипломов посредством снижения цен на обучение. Еще более значимым эти авторы считают формирование эффективного сотрудничества, преодолевающего образовательные границы, создаваемые сертификатами об образовании. Анализ Мюллера и Найду связывает надежды на построение таких альянсов с деятельностью образованных левых, предполагая, в частности, что члены этой привилегированной группы должны использовать свои дипломы для работы в «организациях, которые действительно несут ответственность перед рабочим классом США», например в профсоюзах.

Статья Патриши Завельи обсуждает разрушение жизненного мира рабочего класса, а также постоянную борьбу в жизни бедных цветных женщин и мигрантов. Если Шейринг утверждает, что государство является прежде всего соучастником в продвижении разрушительной повестки неолиберального капитализма, то Завелья считает, что основной угрозой жизни женщин и их семей являются репрессивные меры в отношении репродуктивных прав, которые

продвигает государство. Обозначая в качестве основного противника государство, а не безликий капитал, общественное движение может более успешно организовать сопротивление. Для Завельи основой борьбы за репродуктивные права является широкая коалиция общественных движений, в которых лидируют цветные женщины, достигшие явного успеха в сопротивлении консервативной политике и готовые не менее ожесточенно противостоять администрации Байдена.

Переход к низкоуглеродному будущему довольно часто считается чисто технократической проблемой, однако статья Миджин Ча показывает, что ключом к успеху на этом пути является инклюзивная организация, объединяющая трудящихся и сообщества цветных людей. Борьба за климатическую справедливость требует построения коалиции, где «создание качественных рабочих мест неразрывно связано с задачей снижения выбросов», а также включает цветные сообщества, которые вынужденно несут на себе основную тяжесть ущерба, наносимого загрязняющими выбросами от сжигания ископаемого топлива. Стратегии, которые «отделяют задачи сокращения выбросов от социальной и экономической повестки», не просто несправедливы, но никогда не приведут к созданию широких коалиций, необходимых для успешного сопротивления интересам извлечения выгоды из добывающей отрасли.

Последняя из пяти статей, автор которой – Маркус Хантер, сочетает глубокий исторический обзор со всесторонним видением перспектив решения проблемы. Автор начинает рассуждение с анализа фундаментальной роли рабства в формировании и поддержания капитализма в США. В статье подчеркивается масштаб трансформации, необходимой для исцеления от расовой социальной, культурной и экономической несправедливости, которая в течение четырехсот лет культивировалась расово определенным капитализмом (*racial capitalism*). Многомерная программа репараций, которую защищает Хантер – это не просто теоретическая модель. Она включает очень конкретные и специфичные предложения, например создание национальных Комитетов по вопросам истины, исцеления расовой травмы и трансформации (*TRHT*).

Хотя эти пять статей существенно отличаются по содержанию и аналитическим подходам, они обращаются к одним и тем же темам, описывая проблемы, с которыми сталкивается американское общество, и пути их решения.

Эти исследования исходят из реальности деструктивных эффектов политики Трампа. Штурм Капитолия в январе 2021 года продемонстрировал способность Трампа к катализации недовольства белого рабочего класса, а также выявил очаг политического конфликта, созданного дисфункциями американского общества. Статья Габора Шейринга, написанная задолго до январского штурма, показывает, что трампизм, скорее всего, является прелюдией более токсичных политических движений, порожденных декадами неолиберализации, которая привела к разрушению жизнеустройства белого рабочего класса США.

Поднятые здесь вопросы не решит ни вакцинация от COVID-19, ни новый президент страны. От смены администрации в Вашингтоне структурные основания проблем США в XXI веке никуда не денутся; именно они являются главными целями стратегических изменений, предлагаемых авторами публикаций. Завелья отмечает, что приход Байдена к власти не поменяет того факта, что «в будущем нас ждет борьба». Ча утверждает, что «при администрации Байдена-Харрис перспективы мобилизации в поддержку Зеленого нового курса остаются весьма туманными».

Всех, кто тревожится о будущем США, чтение следующих статей не избавит от тревог. Никто из авторов не утверждает, что существуют необходимые структурные условия для принятия предлагаемых решений. Никто из авторов не считает, что существует совокупность мощных политических сил, которые препятствуют упадку экономики и политики США. В этих текстах мы не видим следов обнадеживающей оптимистической телеологии.

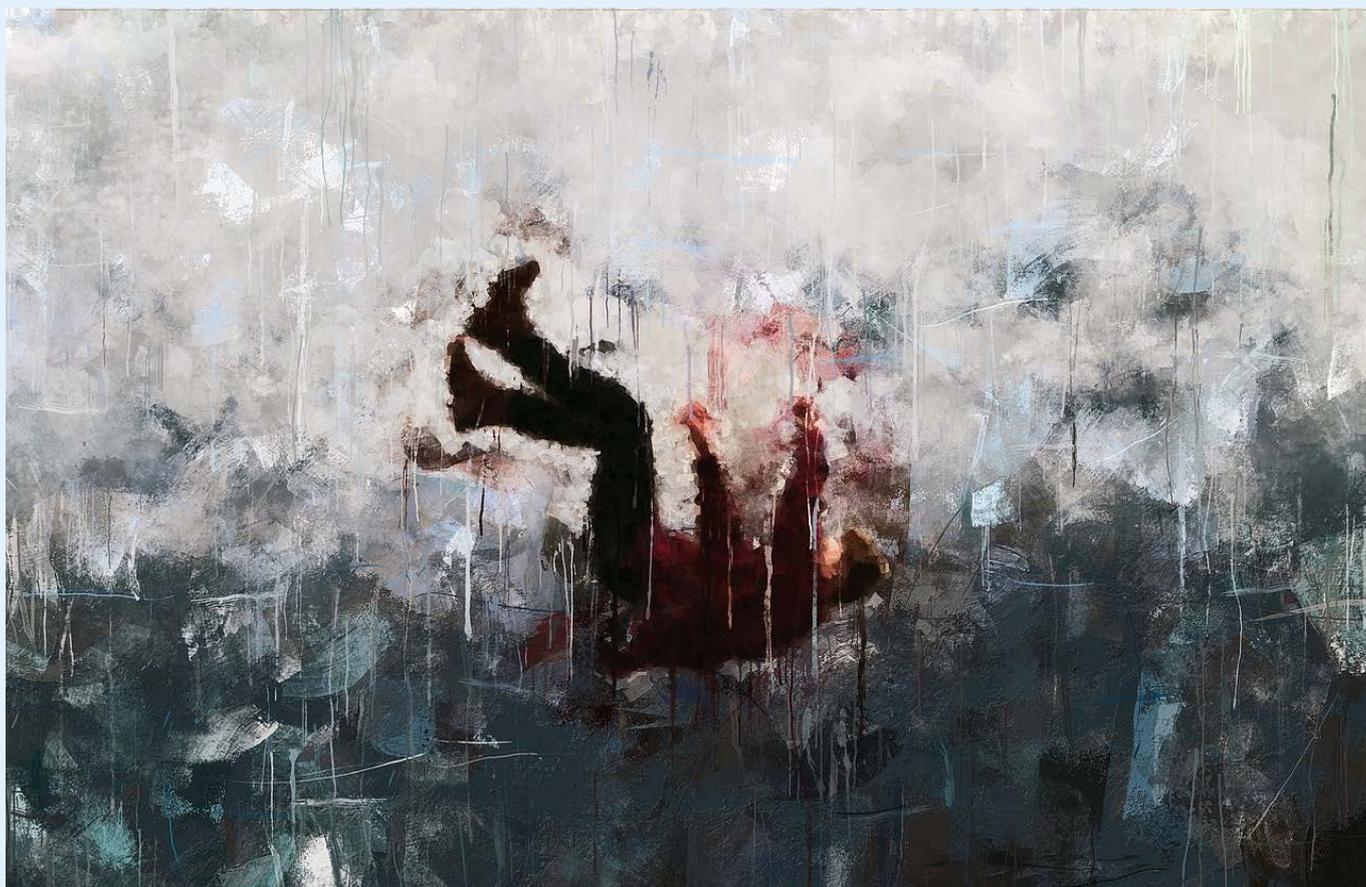
Однако вы не найдете здесь и мрачных пророчеств. Авторы не просто диагностируют ситуацию. Они также рисуют удивительный спектр возможностей для изменений. Освещая самую глубинную структурную проблему США – расизм, Хантер представляет и оптимистическую картину; он отмечает, что «признание и архивирование истины, а также осмысленное глубокое исцеление травм, нанесенных расизмом, может открыть путь к трансформации Америки». Каждая из статей называет ряд политических деятелей, обладающих потенциалом стать двигателями прогрессивных изменений. Все авторы считают, что арена национальной политики не является продуктивным полем для трансформации; они надеются на конкретные возможности изменений на микроуровне. Ча рассказывает об успешных коалициях по вопросам климатической справедливости, формируемых на уровне отдельных штатов, особенно о тех коалициях, что созданы с участием организаций рабочего класса. Завелья считает ядром энергии изменений коалиции, преодолевающие гендерные, классовые и расовые идентичности. Для Мюллера и Найду главная надежда – готовность образованных левых участвовать в создании устойчивых организаций трудящихся. Шейринг считает, что социологи также могут содействовать прогрессивным изменениям, создавая карты «сложных каузальных путей, которые связывают экономическую дислокацию с показателями смерти от отчаяния», и обозначая механизмы, которые связывают отчаяние с политикой регресса.

Хотя авторы обсуждают совершенно различные сферы, они идентифицируют ряд акторов, создающих эффект синергии, при котором успехи и победы в одной сфере укрепляют возможности изменений в другой сфере. Таким образом, симпозиум представляет интригующую, переплетенную сетку планов действия. Это не единая программа будущих действий, но множество небольших проектов, отвечающих на вопрос, «как можно изменить ситуацию». ■

Адрес для связи: Peter Evans <pevans@berkeley.edu>

> Смерть от отчаяния и здоровье демократии: ВЫЗОВЫ СОЦИОЛОГИИ

Габор Шейринг, Университет Боккони (Италия), член ИК МСА по вопросам экономики и общества (ИК02), социальных трансформаций и социологии развития (ИК09), социологии здоровья (ИК15) и политической социологии (ИК18)

Начиная с первых лет нового тысячелетия растет смертность американцев среднего возраста. Главные непосредственные причины этой смертности – суицид, передозировка наркотиков и алкоголь. Таким образом, речь идет о феномене «смерти от отчаяния». Лицензия Creative Commons.

Пандемия коронавируса способствовала временному замедлению роста популизма и снизила давление на политический статус-кво, способствуя победе Джо Байдена в президентской гонке 2020 года. Однако наследие Дональда Трампа сохраняет влияние и после того, как он покинул Белый Дом. Трампизм – и, шире, национальный популизм – это выражение экзистенциального кризиса современного капитализма. Если администрация Байдена, находящаяся

>>

ся под давлением централизма и блокируемая республиканцами, не снизит глубинное социальное напряжение и не покончит с экономической дислокацией, не избежать второй национально-популистской волны и, вероятно, еще худшей версии трампизма. Социология может помочь политике продвинуться в этом направлении.

Популизм как форма политического руководства, которая стремится построить прямые связи с не-элитами и использовать их против элит, обладает целым диапазоном валентностей. Иногда такое руководство продвигает распределительную политику, которая способствует снижению уровня привилегированности элит. Порой это руководство заявляет, что оно представляет интересы «народа», и продвигает реакционную регрессивную политику, ориентированную на весьма ограниченный сегмент общества, при этом наступление на «элиту» осторожно обходит вопрос покушения на экономические привилегии и, наоборот, усиливает их. Нынешняя популистская волна относится ко второй категории: это реакционный правый популизм, и именно ему посвящена эта статья.

Господствующий сегодня в науке нарратив о современной популистской волне формируется политологами. Их усилия направлены на анализ настроений электората и маневров политиков. Хотя совершенно очевидно, что для популизма характерна политическая тактика, нарушающая нормы либеральной демократии и разрушающая ее институты, надо иметь в виду, что популистская политика не действует в социальном вакууме. Некоторые авторы делают акцент на антилиберальных культурных настроениях, характерных для политического спроса на популизм. Однако популизм не исчерпывается простым расизмом. Сбрасывая со счетов популистских избирателей как расистов, либералы игнорируют силу локальных партийных структур в сообществах рабочего класса, и это фатальная политическая ошибка.

В отличие от политологии, социология до сих пор играет второстепенную роль в обсуждении популизма. Социологи объясняют, как экономические изменения – глобализация, деиндустриализация и сдвиг экономики в сторону высококвалифицированных услуг – повлияли на традиционные электоральные коалиции. Эти тектонические изменения подорвали электоральную социальную базу социал-демократических партий и сдвинули вправо настроения рабочего электората. Социологи также показывают, что когда левые в своей социальной и экономической политике сдвигаются вправо, победу одерживают именно правые популисты. Этнографы и социологи, пользующиеся качественными методами, дополнили эту картину, показав, как социальная дезинтеграция, порожденная шоковой терапией, и десятилетия неолиберализации разрушили повседневность и жизненные миры рабочего класса, разрыв его классовую идентичность и проложив путь националистической мобилизации экономического недовольства.

Однако до сих пор за пределами внимания социологов находится один из важных признаков экзистенциального кризиса капитализма – снижение продолжительности

жизни рабочих, проживающих на деиндустриализованных территориях Ржавого пояса, и усугубляющееся неравенство в отношении здоровья. США представляет наиболее заметный пример эпидемии «смертей от отчаяния», но и Великобритания, и постсоциалистическая Восточная Европа также демонстрируют аналогичный рост смертности среди представителей рабочего класса, а также рост различий в показателях здоровья.

На протяжении большей части XX века в США и Европе наблюдался рост продолжительности жизни, что является, несомненно, самым ярким показателем преимуществ развития здравоохранения, государства благосостояния и экономического роста. Однако наиболее мощная экономика современного мира в настоящее время переживает совершенно иной тренд. Он фундаментальным образом ставит под сомнение функциональность модели роста, которую демонстрирует США. С самого начала нового тысячелетия смертность белых американцев среднего возраста растет. Чернокожие рабочие переживали сходный кризис здоровья тридцать лет назад, когда первая волна массового закрытия промышленных предприятий привела в ужас городские сообщества. Два экономиста из Принстона, Энн Кейс и Ангус Дитон, показали в своей книге, что в 2017 году смерть от отчаяния унесла жизни 158 тысяч американцев, что эквивалентно ежедневному крушению в течение года полностью заполненного пассажирами Боинга-737.

Три прямых причины этой волны смертности в США – суициды, передозировка наркотиков и алкоголь. Именно смерти по таким причинам Кейс и Дитон называют смертями от отчаяния. Это название отражает отношение погибших к своей жизни и к своему будущему. Смерти от отчаяния распределены в обществе неравномерно. Рост числа смертей от отчаяния наблюдается среди рабочих без высшего образования. Наиболее значимым фактором такой смертности является социальная дислокация американского рабочего класса.

Утрата стабильных рабочих мест в промышленности существенным образом изменила жизнь сообщества и разрушила культуру рабочего класса. Новые рабочие места в промышленности и сфере услуг более precarious: они основаны на временных контрактах, почасовой оплате и связаны с местами работы, которые преподносятся как популярная нынче самозанятость. Безжалостные стратегии корпораций, отсутствие организованности и государство, захваченное капиталом, являются главными основаниями такой трансформации. Города, которые ранее создавались культурой голубых воротничков, т. е. аристократии рабочего класса, теперь стали пространством усугубляющихся социэкономических проблем, а также проблем здоровья – пространством отчаяния. Деиндустриализация американского Ржавого пояса – это движущая сила дезинтеграции рабочего класса, которая ведет к росту острого психосоциального стресса и чувству безнадежности. Этот контекст создает плодотворную почву для эмоциональных нарушений и психических расстройств, которые со временем часто находят выражение в других проблемах со здоровьем и зависимостях.

Хотя смерть от отчаяния – весьма многообещающая тема для исследований, развитию анализа, предложенного Кейс и Дитоном, препятствуют дисциплинарные ограничения. Опираясь на ранние социологические исследования неблагоприятных последствий деиндустриализации, авторы подчеркивают центральное значение дислокации как решающего фактора неравенства в отношении здоровья. Однако вместо того, чтобы расшифровать этот сложный механизм, изложить необходимые теоретические выводы и предложить прикладные рекомендации, они подчеркивают уникальность американского опыта и завершают книгу набором предложений по лучшему регулированию фармацевтики и формированию «истинно свободных конкурентных рынков» (Case & Deaton, 2020).

За несколько лет до снижения показателей продолжительности жизни в США в Восточной Европе наблюдались сравнимые катастрофические показатели смертности, достигшие невероятных значений для мирного времени в развитом мире. Только в России в 1990–1999 гг. было зафиксировано 3,26 млн преждевременных смертей. Постсоциалистический кризис смертности – тема моей докторской диссертации и ряда последующих журнальных статей – был также связан с быстрыми изменениями, которые трансформировали промышленную Восточную Европу и характерную для нее структуру занятости. Деиндустриализация «в ответе» за одну треть преждевременных смертей мужчин во время постсоциалистического кризиса смертности в Венгрии, а экономические выгоды, приносимые работающими в стране транснациональными корпорациями, не повлекли улучшения показателей здоровья. Сходные процессы в России подтверждают предположение о негативном психосоциальном эффекте экономической дислокации, вызванной деиндустриализацией и массовой приватизацией. Однако продолжительность жизни в Восточной Европе вновь стала возрастать со второй половины 1990-х годов. В противовес этому продолжительность жизни рабочего класса белых американцев продолжает сокращаться в течение последних двадцати лет.

Здоровье людей и здоровье демократии связаны между собой. Нехватка поддержки для жителей регионов, где свирепствуют вызванные отчаянием болезни, прекарное положение рабочих и перспективы нисходящей мобильности – все это работает на поддержку популистских возмущений. Пример таких тенденций – популярность Трампа в регионах США с низкими показателями здоровья, высокая доля голосов в поддержку выхода Великобритании из ЕС в самых нездоровых городах страны, пострадавших от многолетней политики жесткой экономии,

и рост популярности партии «Лига Севера» среди рабочих деиндустриализованных городов Италии.

Однако политические лидеры, выступая с обещаниями лучшей жизни для своих избирателей и «возвращения контроля над ситуацией», за фасадом происходящего подвергают тех же людей эксплуатации. Именно элиты являются первичными бенефициарами национально-популистской версии неолиберализма, которую представляют Трамп и Борис Джонсон. Несмотря на то что в долгосрочной перспективе неравенство подрывает экономическое развитие, восходящее перераспределение может в краткосрочной перспективе способствовать росту. Таким образом, популисты также могут привлечь на свою сторону национальную буржуазию, иностранных инвесторов и высший средний класс.

Популисты – не первопричина современных множественных кризисов. Они лишь беспринципные политические предприниматели, эксплуатирующие любую структурную возможность, которую предоставляют кризисы, порожденные экономическими структурами. Социология обладает непревзойденным потенциалом для анализа основополагающих проявлений экономической дислокации и, как показывают аналитические статьи «Глобального диалога», может помочь объяснить подъем популизма.

Чтобы остановить нынешнюю популистскую волну и облегчить последствия экономической дислокации, вызывающие рост смертей от отчаяния, недостаточно центристской политики и мер, защищающих статус-кво. Современное сочетание демографического и демократического кризисов требует глубокой трансформации, и социологи могли бы сыграть уникальную роль в поиске решений. Для этого при анализе смертности, вызванной социальными причинами, и социальных последствий индустриальных изменений необходимо обращаться к основаниям нашей дисциплины. Дополняя идеи экономистов и политологов, социологический подход может обрисовать сложные каузальные пути, которые связывают экономическую дислокацию с показателями смерти от отчаяния, и пролить свет на механизмы, посредством которых нездоровье граждан влияет на политику и обеспечивает поддержку популистам. Здоровье демократии и здоровье граждан зависят друг от друга. ■

Адрес для связи: Gabor Scheiring <gabor@gaborscheiring.com>

Ссылка

Case A., Deaton A. (2020). *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

> Обладатели человеческого капитала

Кристофер Мюллер, Калифорнийский университет, Беркли (США) и Суреш Найдю, Колумбийский университет (США)

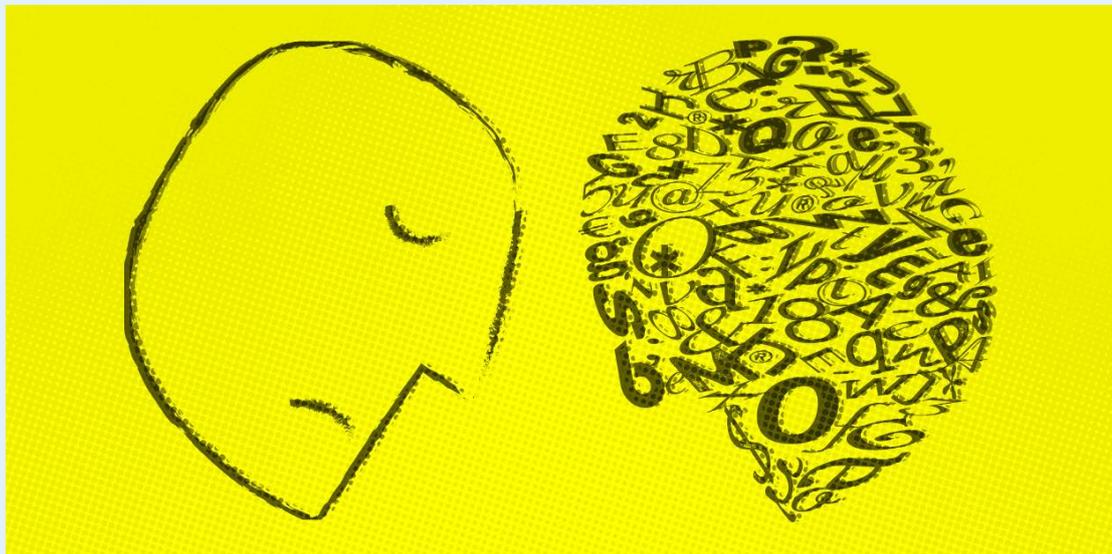

Иллюстрация Арбу.

На фоне ярко выраженного неравенства материальных благ и доходов экономический ущерб, нанесенный COVID-19, казалось бы, создает отличные предпосылки революционной ситуации. Обратимся к теориям социальной мобилизации, предлагающим объяснения в духе механистического экономического детерминизма: высокий уровень структурного неравенства в сочетании с экономическими потрясениями и ослаблением государства создает политический кризис и возможности изменения режима. В самом крайнем случае, согласно этим теориям, Берни Сандерс должен был одержать победу с большим отрывом, а массы рабочих США должны были поддержать его программу перераспределения богатства.

Однако вместо этого мы наблюдаем затяжную патовую ситуацию, которая, возможно, в дальнейшем приведет к параличу государства. Попытки досконального разбора выборов 2020 года продолжатся в ближайшем будущем. Однако фоном происходящего остается тот факт, что одним из сильнейших предикторов голосования за левых и даже предиктором вовлеченности в движения левого политического крыла во всем мире остается образование. Как же истолковать раскол между «купцами-правыми» и «брахманами-левыми», о которых писал Пикетти? Приведет ли анализ происходящего к отказу от материалистического подхода к политическому анализу? Это очень маловероятно. Мы считаем, однако, что материалистическое объяснение должно быть дополнено анализом, более чувствительным к социальным разделением, порожденным исключением и эксплуатацией, основанной на дипломах об образовании.

Рассмотрим два обстоятельства.

Во-первых, начиная по крайней мере с 1960-х годов университеты становятся важнейшими пространствами инсти-

туционального воспроизводства левых идей. Консерваторы выражают сожаление по поводу этого обстоятельства. Пока мы несемся в сторону климатической катастрофы и пытаемся оправиться от пандемии, многие из них день и ночь занимаются кампусной политикой, стремясь изменить сложившийся однобокий баланс политических предпочтений студенчества. Однако всем ясно, что университеты и большая часть культурной индустрии захвачены сторонниками демократов. Это в особенности справедливо для факультетов, на которых изучается общество. Даже профессора экономики, которую часто называют консервативной дисциплиной, примыкают в большей степени к демократам (4 из 5). Для сравнения: сторонниками демократов являются 44 из 45 социологов. Не только политические предпочтения центристов Демократической партии, но и воззрения многих левых ведут свое начало со времени обучения в колледже.

Во-вторых, начиная с 1970-х гг. в абсолютном и относительном измерении ухудшаются перспективы будущего для людей, не имеющих высшего образования. Преимущества выпускников колледжей постоянно возрастали с конца 1970-х до самого конца 2000-х. Как показывают подсчеты Энн Кейс и Ангуса Дитона, сегодня цена, которую граждане платят за отсутствие образования, наиболее ярко иллюстрируется поразительным ростом смертности среди людей, не имеющих степени бакалавра. Этому не препятствует ни кризис студенческого долга, ни рецессия 2009 года, поставившая новое поколение студентов в опасное положение. Даже среди членов профсоюзов в отраслях частного сектора – архетипических организаций рабочего класса – все больше выпускников колледжей, а большинство низкооплачиваемых наемных работников юнионизацией не охвачены.

Эти два обстоятельства обычно обсуждаются изолированно друг от друга, но на самом деле их лучше рассматривать

>>

вместе. Такой взгляд поможет увидеть, что университеты все в большей мере информируют своих выпускников о таких громких идеях, как глобальный налог на богатство или Зеленый новый курс, при этом создавая все большую социальную, экономическую и нарративную дистанцию между выпускниками вузов и огромным электоратом нашего общества.

Такое отстранение является препятствием для любого движения, стремящегося заручиться поддержкой большинства. Возрождение левых вдохнуло новую жизнь в публичную онлайн-трибуну и принесло в мейнстримные медиа новые представления об обществе, которые еще несколько лет назад казались невообразимыми. Но несмотря на то, что онлайн-дебаты между левыми и центристами, а также внутри левого политического крыла являются жизненно необходимыми, все они ведутся почти исключительно среди участников с университетскими дипломами. И эти участники обсуждают проблемы, от которых далеки шестьдесят процентов граждан без высшего образования, рожденных после 1982 года. Слишком часто чаяния и трудности тех, у кого нет диплома, обсуждаются на кухне, в церкви или культурных центрах сообщества. Лишь отдаленно эти проблемы связаны с миром писателей, которые стремятся канализировать их, превратив в политическую повестку.

Очевидно, что сокращение неравенства доходов и богатства потребует сокращения экономического разрыва между людьми с высшим образованием и без него. Но гораздо менее очевидно, а возможно, и более важно, что социальный разрыв также подлежит сокращению. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы протянуть друг другу руки, преодолев различия в образовании, и построить социальные сети между сторонниками левых взглядов с университетскими дипломами и без них, превратив эти сети в организованный авангард рабочего класса. Как достичь этой цели?

Одной из возможных стратегий является расширение доступности университетского образования, снижение финансовых затрат на его получение и сопряженных с ним личных привилегий. Для левых университет – это то же самое, что армия для правых. Правые оправдывают сокращение финансирования университетов именно этим обстоятельством. Мы должны воспользоваться тем же аргументом, чтобы потребовать бесплатного высшего образования и больших объемов государственного финансирования высшего образования и фундаментальных научных исследований. Поскольку окупаемость высшего образования зависит от степени его доступности, рост публичного бюджетирования сократит экономический разрыв между людьми, имеющими степень бакалавра, и теми, кто ее не имеет. Однако и после сокращения привилегий для выпускников вузов, и при низких ценах на образование все же сохранится заметная доля населения, которая предпочтет не получать высшее образование; сохранятся и коммуникативные барьеры, обусловленные различиями в уровне образования граждан.

Другая стратегия могла бы заключаться в изменении нашей риторики. Мы должны меньше обсуждать мелкие расхождения во взглядах с теми, чьи политические предпочтения близки нашим собственным, и более пристально исследовать радикальные последствия действий тех, чьи взгляды существенно отличаются от наших. Необходимо сделать

наши идеи более понятными и привлекательными для широкой публики и построить связи между этикой, привлекающей людей к служению и благотворительности, и этикой, вовлекающей их в более широкие сферы политического участия и заинтересованности. Но дело не только в популярности идей. Люди могут услышать идею, получить информацию, но все же не стать частью социальной сети, которая развивает идеи в диалогах или обсуждениях. Идеи Сандерса не страдали от нехватки привлекательности и получили широкое распространение, но они укоренились только там, где организации рабочих, мигрантов и трудовых мигрантов стали распространять эти сообщения в своих членских организациях.

Таким образом, первые две стратегии, скорее всего, сработают, только если помогут выстроить организации наемных работников и придать этим формированиям устойчивость. Какова роль левых с высшим образованием в реализации этих стратегий? С одной стороны, можно создать профсоюзы прекарных научных работников с высшим образованием – фракции интеллектуалов, интегрированных в рабочее движение. Другая возможная стратегия – расширение диапазона и числа «домашних интеллектуалов», поддерживаемых профсоюзами и другими организациями, с тем чтобы они могли продолжать интеллектуальную жизнь за пределами университета, не испытывая давления профессионализации и не страдая от академического ханжества. В прошлом работа таких интеллектуалов носила чаще всего стратегический характер, но в будущем она вполне может быть и технической. Одни активисты с высшим образованием могут использовать технические и программные инструменты, изученные в колледже, для усиления организационных, правовых, административных и технических возможностей своих организаций. Другие активисты могут использовать инструменты экспериментальных социальных наук для реализации социальных инициатив, как это делают в исследовательском центре *Poverty Action Lab* в Массачусетском технологическом институте. Современные профсоюзы, например, представляют собой организации, работающие с большими данными; им необходима инфраструктура ПО для анализа данных, а ее могут внедрить лишь люди, обладающие специализированными навыками. Такая работа напоминает правовое сопровождение общественных движений, принципы которого позволяют сторонникам левых взглядов с дипломами о высшем образовании работать на организации, большинство членов которых не имеют высшего образования.

Скорее всего, чтобы левые с дипломами колледжа вышли за пределы своих классовых интересов, необходим именно микс этих трех стратегий. Нужно не только бороться за рост доступности высшего образования, но и содействовать изменению риторики и культуры левых в сторону большей инклюзивности и большего разнообразия дискурсивных форматов – вероятно, проведя в жизнь прозрачные нормы взаимного уважения. Сторонники левых взглядов с университетскими дипломами должны покинуть рабочие места в фондах, бюджетных организациях и донорских проектах и идти работать в организации, которые действительно представляют интересы рабочего класса Америки. ■

Адреса для связи:
Christopher Muller <cmuller@berkeley.edu>
Suresh Naidu <suresh.naidu@gmail.com>

> Будущее репродуктивных прав в США

Патриша Завелья, Калифорнийский университет, Санта-Крус (США)

Один из множества митингов против запрета абортс и ограничения репродуктивных прав во время правления Трампа. Источник: [flickr](#). Некоторые права сохранены.

В центре социальной политики Трампа было усиление контроля и мониторинга репродуктивного поведения женщин. Оно проявлялось в антиабортной риторике бывшего президента, адресованной представителям его социальной базы, в особенности евангельским христианам. Наступление на репродуктивные права шло о бок с антимигрантскими мерами. В основе обоих направлений политики Трампа лежат общие идеологические и политические основания. Трамп продвигал беспрецедентную повестку правового насилия, позиционируя мигрантов как угрозу национальной безопасности, экономики и идентичности США и продвигая меры и дискурсы ограничения миграции «недостойных».

Основная целевая группа репродуктивной и миграционной политики – цветные женщины. Огромное число смертей, вызванное неправильными решениями в отношении пандемии COVID-19, является результатом той же логики. Непропорционально большое число жертв пандемии составляют цветные и мигранты, которые вынужденно работают на местах, сопряженных с рисками заражения, и проживают в перенаселенных жилищах.

Ключевым элементом наступления на репродуктивную справедливость стали попытки отмены Закона о доступе к медицинской помощи (*Affordable Care Act* – ACA). Закон расширяет доступ женщин к услугам репродуктивного здравоохранения, предоставляя превентивные услуги, включающие контрацепцию, проверку на рак, а также дородовый уход. Хотя Трампу не удалось добиться отмены закона ACA, многие предпринятые президентом усилия ограничивают права женщин на репродуктивное здоровье. Его администрации удалось сократить расходы на статью 10 закона ACA, гарантировавшую медицинское обслуживание 43 млн женщин в США и за пределами страны. Теперь финансирование выделяется лишь для

тех программ предотвращения подростковой беременности, которые пропагандируют неэффективный принцип воздержания. Все эти меры позволяют сотрудникам здравоохранения дискриминировать ЛГБТК-пациентов. Кроме того, администрация Трампа назначила лиц, которые стремятся ограничить доступ женщин к абортс, на три позиции верховных судей и почти на двести позиций судей низшей инстанции.

Параллельные усилия администрации в отношении цветных мигрантов также оказались поразительно успешными. Политика Трампа в отношении мигрантов демонизировала выходцев из Латинской Америки и ввела около четырехсот новых мер регулирования миграции. Эти нововведения запрещают миграцию из стран, большинство граждан которых являются мусульманами, снижают число принимаемых беженцев до уровня 1980 года, прекращают действие статуса временной защиты для четырехсот тысяч мигрантов из десяти стран, делают процедуру получения постоянного вида на жительство или гражданство крайне сложной, препятствуют подаче заявок на поиск убежища иначе, чем при официальном пересечении границы. Более того, насилие (как домашнее, так и бандитизм) теперь не может быть основанием для получения статуса беженца. Новые правила «испытывают на прочность» тех, кто ищет убежища, вынуждая их оставаться в Мексике и дожидаться вызова от властей США. При этом был расширен список правил, которые ограничивают возможности мигрантов получать социальную поддержку в виде, например, карточек на питание. Политика «нулевой толерантности», которую проводила администрация Трампа, разлучила тысячи детей с родителями, создавала условия задержания, сопряженные с пренебрежением, унижениями и смертью, особенно в отношении лиц младшего возраста, транс-персон и депортированных мигрантов. В свою очередь, это сделало указанные группы особенно уязвимыми в отношении COVID-19 и других рисков

для жизни. Женщины-мигрантки же во время заключения подвергались насильственной стерилизации и бюрократическим практикам криминализации аборта.

Для женщин с низкими доходами, как и для цветных женщин, антирепродуктивное правоприменение в сочетании с антимигрантской политикой имеет особенно разрушительные последствия. Эти политические меры усилили позиции штатов, враждебных в отношении права на аборт, а в таких штатах проживает 6 из 10 женщин. Рост материнской смертности чернокожих и женщин из коренного населения Америки стал пугающим показателем последствий наступления на репродуктивные права. Помимо того, неправомочные женщины избегали обращаться за базовой медицинской помощью, особенно связанной с беременностью или контрацепцией, а также за социальными льготами; представители же ЛГБТК-сообщества сталкивались с дискриминацией в медицинских учреждениях.

Женщины, особенно цветные, выступали с протестами против такой политики. Они агитировали против трамповских мер, ухудшающих положение наиболее уязвимых людей. Большое число правозащитных групп создавали коалиции, сопротивляясь ретроградным мерам и практикам и продвигая прогрессивное законодательство, чтобы восстановить и защитить сексуальные и репродуктивные права и здоровье людей. Эти коалиции сохраняются и при новой администрации в Вашингтоне. Их представители планируют оказывать давление на администрацию Байдена, чтобы она пересмотрела несправедливые решения Трампа и проявила при этом ту же решимость, с которой они боролись против других инициатив прежнего президента.

Судьи Верховного суда дают понять, что закон АСА аннулирован не будет. Администрация Байдена должна гарантировать массовый доступ к контрацепции, восстановить защиту от дискриминации, отменить правила, которые позволяют отказывать представителям ЛГБТК-сообщества в медицинской помощи, вновь запустить программы, предполагаемые статьей 10, увеличив их финансирование, а также отменить превентивные программы для подростков, которые обсуждают лишь воздержание, и содействовать инклюзии ЛГБТК.

Администрация Байдена должна осудить антиабортное насилие и продемонстрировать свою приверженность правам на аборт, отменив постановление, которое поддерживает поправку Хайда. Эта поправка запрещает страховое покрытие операции аборта для миллионов женщин, получающих медицинские услуги на основании федеральных страховых программ. Байден должен поддержать законодательство, которое дает обратный ход поправке Хайда и расширяет охват населения программой *Medicaid*. Он должен способствовать развитию телемедицины и пересмотреть правила Управления по контролю за продуктами и лекарствами, которые ограничивают доступ к очевидно безопасным медикаментозным абортам. Признание того, что в основании кризиса системы общественного здоровья лежит расизм, может заставить по-новому зазвучать политику доступности медицинских услуг, здоровых условий жизни и работы.

Байден объявил о плане пересмотреть трамповскую политику миграции. Он назначил на пост главы департамента национальной безопасности Алехандро Майоркаса, кубинского эмигранта, который руководил реализацией программы по приему детей-мигрантов. Байден

закрыв один следственный изолятор, что сигнализирует о пересмотре политики правового насилия и ксенофобии. Однако назначение Сесилии Муньос на пост советника в период перехода вызывает опасения, поскольку при администрации Обамы она выступала в защиту разделения семей. Чтобы прекратить разделение семей и вновь открыть границы для ищущих убежища, генеральный прокурор должен пересмотреть решения Департамента юстиции, которые ограничивают независимость судей, занимающихся вопросами миграции. Назначение большего числа судей, которые смогут закрыть накопившиеся дела о миграции, также существенно поможет обеспечить справедливое отношение к мигрантам. Аналогично тому, как наступление на репродуктивные права шло параллельно с наступлением на мигрантов, новая промигрантская политика должна быть сопряжена с поддержкой репродуктивных прав. Дружественная к мигрантам администрация должна содействовать доступности социальной поддержки и медицинских услуг в области репродуктивного здоровья для женщин-мигранток, что будет способствовать их чувству включенности в американское общество. Успешность действий в обоих направлениях фундаментально зависит от поддержки со стороны социальных движений, выступавших против Трампа.

Лидерами социального движения, выступающего за репродуктивные права, являются цветные женщины, представляющие интересы маргинализированных групп населения: мигрантов, бедных, ЛГБТК, молодежи, людей с ограниченными возможностями и др. Это движение продвигает идеи интерсекциональности и прав человека. Тем самым оно выступает в защиту структурных изменений, связывающих сексуальные и репродуктивные права с политикой снижения социального, экономического и экологического неравенства, жертвами которого являются люди с низкими доходами. Миссия движения за репродуктивную справедливость состоит в том, чтобы позволить женщинам реализовать свое право на беременность, свободную от принуждения и абьюза, право на беспрепятственное прерывание беременности без морального осуждения, право на воспитание детей в благоприятной для здоровья окружающей среде, а также право на телесную автономию и гендерное самоопределение. Благодаря этому движению с 1990-х по всей стране работает более 30 НКО и формируются низовые организации, занимающихся политической социализацией и мобилизацией своих членов. Кроме того, движение проводит работу по изменению культуры, переосмысливая трудные конкретизируемые проблемы и предлагая позитивные культурные репрезентации, а также отдает должное светским духовным традициям. В таких организациях проводят первичные исследования, запускают целевые программы образования и просвещения женщин, подают судебные иски, продвигают прогрессивное законодательство. Результаты деятельности программ представляются в ООН. Они достигли удивительных успехов на своем поприще. Организации, выступающие за репродуктивное правосудие, работают в связке со структурами, предоставляющими медицинские услуги в сфере репродуктивного здоровья, и теми, кто продвигает политику гражданских и репродуктивных прав.

Независимо от того, занимаются они репродуктивными правами, правами мигрантов, женщин или ЛГБТК-персон, активисты будут требовать от администрации Байдена защиты сексуальных и репродуктивных прав. В будущем нас ждет борьба. ■

Адрес для связи: Patricia Zavella <zavella@ucsc.edu>

> Борьба за климатическую справедливость

и администрация Байдена-Харрис

Дж. Миджин Ча, Западный Колледж, США

Граффити, призывающее к необходимости нового подхода к климатическому кризису. Источник: [flickr](#). Некоторые права сохранены.

Если бы Трамп пришел к власти во второй раз, его администрация, несомненно, продолжила бы политику, ведущую к катастрофическому изменению климата. Однако и при администрации Байдена-Харрис перспективы мобилизации в поддержку Зеленого нового курса остаются весьма туманными. Байден более явно привержен политике сдерживания климатических изменений, чем все прежние президенты, но и у него не хватает целеустремленности, необходимой для осуществления Зеленого нового курса (ЗНК), не говоря уже о сопротивлении Сената, который существенно ограничивает новую администрацию и проявляет враждебность к этой политике. Если перспективы федерального ЗНК неутешительны, то возникает вопрос о том, каковы шансы социальной мобилизации на уровне штатов и местных сообществ, необходимой для реализации разумной и справедливой политики перехода к низкоуглеродной экономике? Климатические инициативы штатов могут указать направление перехода к справедливой политике низкоуглеродной экономики, но только в том случае, если в политику в отношении климата будут интегрированы проблемы социальной и экономической справедливости.

Хотя консерваторы используют Зеленый новый курс как орудие государственного [контроля](#), эта политика

еще не обеспечена законодательством. Она опирается на резолюцию, не имеющую обязательной силы, призывающую федеральное правительство принять кейнсианскую по духу амбициозную программу решения двойного кризиса неравенства и климатических изменений в течение последующих десяти лет. Эксперты подтверждают, что если мы хотим избежать катастрофических последствий изменения климата, драматическое снижение выбросов продуктов ископаемого топлива в атмосферу должно произойти именно в течение десяти лет – к 2029 году. Доктрина ЗНК подчеркивает, что изменение климата и неравенство связаны между собой; такое видение выходит за пределы узкого технократического понимания социальных последствий снижения выбросов. Обращаясь к материальным условиям жизни людей, концепция ЗНК интегрирует климатические изменения в обсуждение социально-экономических проблем, а не рассматривает их как отдельный вопрос.

Для продвижения повестки климатических изменений необходимо обсуждать социоэкономические вопросы. Защитники климата, принадлежащие к различным сегментам политического спектра, в настоящее время отказались от таких технократических решений проблемы, как близорукие меры введения налога на углеродные выбросы и программа ограничения торговли. В на-

>>

стоящее время деятельность активистов опирается на [три основных принципа](#), которые объединяют социально-экономические проблемы и разработку политических мер в отношении климата: стандарты, инвестиции и справедливость. Различные климатические активисты призывают, во-первых, к нулевым или чистым нулевым выбросам; во-вторых, к крупномасштабным государственным инвестициям в производство и инфраструктуру с низкоуглеродными характеристиками; в-третьих, к социальной и экономической справедливости – созданию достойных защищенных профсоюзами новых рабочих мест, реализации программы перехода для рабочих, занятых в отраслях, работающих на ископаемом топливе, и к защите маргинализированных сообществ, которые первыми и в наибольшей степени испытывают на себе тяжелые последствия климатических изменений.

Президент Байден объявил, что климатические изменения являются [одним из приоритетов переходного периода](#), и назначил полпреда, ответственного за эту проблему. Поэтому существуют основания полагать, что климатические изменения и вправду окажутся в центре внимания администрации Байдена. Борьба за справедливый переход к низкоуглеродной экономике, однако, отягощается множеством социально-экономических обстоятельств. Учет этих обстоятельств совершенно необходим для обеспечения «справедливого» транзита. Их могут проигнорировать политически умеренная администрация и враждебный президенту республиканский Сенат. Сразу же после выборов [умеренные демократы выступили против](#) таких прогрессивных нововведений, как всеобщее медицинское страхование (*Medicare for All*) и сокращение финансирования полиции. Это показывает, что меры расовой и экономической справедливости не получат существенной поддержки, необходимой для продвижения климатической программы в условиях противодействия враждебного Сената.

В связи с этим федеральные действия, обеспечивающие справедливое низкоуглеродное будущее, кажутся маловероятными. Активисты стараются найти решение на уровне штатов. В самом деле, еще до начала президентского срока Трампа штаты стали первопроходцами в реализации амбициозных мер в защиту климата. Будут ли меры справедливыми или нет, зависит от их содержания и внедрения. Когда правительство штата Калифорния запустило Программу ограничения добычи и торговли ископаемым топливом, экологические активисты [в судебном порядке потребовали](#) остановить эту программу, поскольку она негативное влияла на жизнеустройство сообщества. Судебные иски в итоге не возымели успеха, а выдвинувшие их организации получили отпор от традиционных экологических организаций. Более свежая оценка Программы ограничения и торговли подтвердила, что озабоченность экологических активистов вполне обоснована, а внедрение программы [привело к локальному росту загрязнений](#) в уязвимых сообществах. Более того, несмотря на декларативные заявления Программы ограничения добычи и торговли, Калифорния [еще далека](#) от целевых показателей снижения углеродных выбросов.

Противоположный случай представляет штат Нью-Йорк, принявший [наиболее амбициозную в стране климатическую политику](#). Это стало возможным благодаря коалиции, основанной на широкой социальной базе, которая в центр своего внимания ставит обеспечение справедливости. Закон о лидерстве и защите сообщества от изменений климата (*Climate Leadership and Community Protection Act*) не только направлен на снижение выбросов, но и выдвигает в качестве приоритета программу инвестирования в инфраструктуру уязвимых сообществ. Закон о климате [дополнен еще одним законом](#), в соответствии с которым наряду с другими институциональными мерами учреждается постоянно действующий Консультационный Совет по экологической справедливости. Амбициозная и справедливая программа климатических мер является результатом связывания проблематики справедливости и климата.

Модели справедливого перехода к низкоуглеродному миру предполагает усилия штатов по созданию рабочих мест, связанных с климатом. Такие усилия обосновываются представлениями о том, что двойственный кризис неравенства и климата нужно решать одновременно. Хорошо оплачиваемые юнионизированные рабочие места, связанные с ископаемым топливом, могут быть замещены рабочими местами, которые оплачиваются ниже и предполагают менее квалифицированный труд, хотя и связаны с носителями обновляемой энергии. Пусть такой метод и может сократить выбросы парниковых газов, однако он не соответствует принципам справедливого транзита. Неудачная поддержка рабочих и сообществ в ходе предыдущего транзита деиндустриализации привела к тому, что работники, занятые в отрасли ископаемого топлива, сопротивляются еще одному навязанному им транзиту. Такие инициативы штатов, как [Профсоюзная программа защиты климата \(Labor Leading on Climate\)](#) и [Национальный ресурсный центр занятости в сфере климатической политики \(Climate Jobs National Resource Center\)](#), вовлекают профсоюзы в продвижение мер, в рамках которых создание качественных рабочих мест неразрывно связано с задачей снижения выбросов. Эти усилия, приводят к росту политического влияния профсоюзов, о чем свидетельствует [Отчет о создании в штате Нью-Йорк рабочих мест, связанных с климатом](#). Согласно Отчету, правительство штата выделило 1,5 млрд долларов для создания сорока тысяч новых рабочих мест.

В условиях рисков, с которыми сталкиваются прогрессивные меры администрации Байдена-Харрис, в результате усилий, предпринимаемых на уровне штатов, должны быть разработаны модели справедливого транзита. В конечном итоге решение климатического кризиса подразумевает массовое сокращение рабочих мест в отраслях, связанных с добычей ископаемого топлива, и это требует национальных и интернациональных усилий. Однако политика в отношении климата не должна отделять задачи сокращения выбросов от социальной и экономической повестки. Усилия на уровне штатов могут помочь созданию пошагового плана транзита и содействовать интеграции проблематики неравенства, социальной несправедливости и климата. ■

Адрес для связи: J. Mijin Cha <mcha@oxy.edu>

> Радикальные репарации

Маркус Энтони Хантер, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (США)

Более четырехсот лет, четырех тысяч месяцев и двухсот миллионов минут в США существовало рабство, и страна была поражена этим смертным грехом. Отмененное, но еще живое рабство в той или иной форме продолжает существовать подобно невылеченному вирусу, который постоянно распространяется и инфицирует людей и институты, несмотря на то что многие считают его несуществующим и утверждают, что оно было побеждено в тот самый момент, когда Авраам Линкольн подписал Декларацию Независимости. Как показали многие активисты и исследователи, жизнь чернокожего населения остается уязвимой и не защищается тем самым правительством, которое уничтожило институт рабства и его практики. Свидетельства этому разнообразны. Это и индустрия тюремных комплексов, и эксперименты по изучению сифилиса среди афроамериканцев в городе Таскиги, и каторжные исправительные работы вне колоний, и войны против преступности, бедности и наркотиков.

Американское рабство и более масштабная торговля рабами в Европе, порожденные жадностью, расизмом, насилием и колонизацией, оскорбляли человеческое достоинство чернокожих, подвергали их расправе и унижениям. Сотни тысяч чернокожих были перевезены из безвозвратных портов Западной Африки, пересекли Атлантический Океан по суровому так называемому «среднему пути» и были переселены на земли, занятые коренными народами обеих Америк и Карибских островов. Люди умирали во время переезда, на плантациях глобального Юга, в подвалах глобального Севера. Многие умерли совсем молодыми, но только после того, как породили новое поколение порабощенного черного народа.

Темнокожие люди были собственностью, их тела и семьи им не принадлежали, а их души рутинно и ежедневно подвергались оскорблениям. Их труд был необходим, однако не оплачивался. Такова расовая история и правда об оскорблении человеческого достоинства и страданиях, доставшихся нам в наследство. Вместе с этим наследством мы обрели ответственность и теперь должны оплатить кое-какие долги. Накопленное и сохраняющееся насилие, оскорбления и долг требуют компенсации, которая обычно называется *репарацией*. Репарации за рабство остаются неоплаченными и не согласованными. Между тем чернокожие граждане получают очень мало

государственной поддержки и оставлены на произвол судьбы. Тем не менее они подвержены государственному надзору, направленному против темнокожих и глубоко укорененному в системе.

Почти через пятьсот лет после отмены рабства в США, казалось бы, невозможно точно подсчитать ущерб и соответственно предоставить выплаты пострадавшим от него гражданам и семьям. Кому презначены выплаты? Как они осуществляются? Если все рабовладельцы давно умерли, кто должен нести ответ – какие стороны? Вот вопросы, которые с 1865 года возникают во время дебатов о репарациях и компенсациях в США.

В последние годы в защиту репараций выступают представители различных политических сил. Как консервативные, так и прогрессивные защитники этой меры почти в каждом выступлении путают репарации с финансовыми выплатами. Несомненно, *экономические репарации* важны, однако для компенсации ущерба их совсем не достаточно. Постоянно продвигая экономическую трактовку репараций, мы тем самым утверждаем (может, и невольно), что все смерти и разрушения, порожденные рабством, можно подсчитать, а затем оплатить по чеку, сумму которого уточняют политики, исследователи и юристы. Возникает вопрос: имеют ли человеческие тела и жизни фиксированную цену, можно ли их адекватно оценить с помощью финансовых инструментов? Разве цена человеческой жизни исчисляется в долларах и центах? Ключевые ответы на эти вопросы должны опираться на глубокую убежденность в ценности жизни чернокожих людей и уверенности, что эту ценность невозможно выразить в цифровом эквиваленте. Таким образом, необходимо радикально переосмыслить репарации, чтобы определить, как общество может исцелить травмы, нанесенные многолетним рабством. Адекватные возмещения и долги не могут быть однозначно монетизированы.

Чтобы США превратились в более свободное, безопасное и справедливое общество, необходимо залечить травмы нашей не осмысленной до конца коллективной расовой истории. Необходимо оплатить громадное множество долгов. Необходимо пересмотреть и признать избыточность огромного опыта насилия. Необходимо найти решение множеству проблем расового равенства и справедливости. Решение этих задач предполагает использование семи типов репараций, ключевых для

>>

“Чтобы США превратились в более свободное, безопасное и справедливое общество, необходимо залечить травмы нашей не осмысленной до конца коллективной расовой истории”

глобального и национального процесса преодоления последствий исторической травмы:

- **политические репарации** – исторически обоснованные восстановительные и репарационные меры, призванные трансформировать правление, политическую репрезентацию и участие;
- **интеллектуальные репарации** – общественное целенаправленное признание результатов творчества, изобретений и идейного наследия бывших рабов и их потомков;
- **правовые репарации** – восстановительное правосудие и расовая справедливость, воплощенные в законах и политических программах;
- **экономические репарации** – материальная и/или финансовая помощь, субсидирование, возмещение ущерба, списание долгов;
- **социальные репарации** – восстановление и исправление социального договора, ориентированного на уничтожение расизма и представлений о расовой и этнической иерархии; утверждение принципов человеческого достоинства;
- **пространственные репарации** – создание восстановительно-репарационной географии социально-экономических и политических возможностей, особенно для граждан, из-за рабства перемещенных или лишенных собственности, а также их потомков;
- **духовные репарации** – целенаправленное признание, репрезентация и восстановление религиозных и духовных космологий, практик и убеждений, которые пострадали или были утрачены в ходе работорговли и в период американского рабства.

Эти формы репарации должны стать основой мировой и американской политики преодоления расовой несправедливости и искоренения последствий рабства, работорговли, глобальной экономики, основанной на порабощении, а также разнообразных культивируемых и распространяемых извращенных установок. Темнокожие люди не заслужили рабства. Ни одно человеческое существо не заслужило жить в условиях такого жестокого, бесчеловечного режима. Напротив, чернокожие, как и представители коренных народов Америки, заслужили освобождения и компенсаций со стороны глобальных, федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, которые унижали их в течение нескольких веков, одновременно взимая с них налоги.

Для осуществления таких решительных перемен необходимо сочетание достоверного знания, программы преодоления расовой травмы и трансформации. Такие действия дополняют призывы к репарациям для афроамериканцев, которые были провозглашены гражданской активисткой Королевой-матерью Одли Мур, бывшим конгрессменом Джоном Коньерсом, а теперь подхвачены членом конгресса Шейлой Джексон-Ли, выдвинувшей законопроект по правам человека (*H.R. 40*), который предполагает создание Комиссии по разработке Закона о репарациях для афроамериканцев. Под руководством члена конгресса Барбары Ли и сенатора Кори Букера в настоящее время идет работа по созданию Национальной комиссии по выявлению истины, исцелению расовой травмы и изменениям (*TRHT*), которую я считаю необходимым условием создания постоянно действующих национального, местного и регионального Архивов расового и культурного исцеления (*ARCH*).

США должны воспользоваться исторической возможностью восстановления расовой справедливости и расового исцеления, чтобы совершить радикальную трансформацию, в результате которой наше общество наконец преодолеет фальшивое понятие об иерархии человеческих существ. Если этот проект получит серьезную поддержку и будет принят к исполнению новой администрацией Байдена-Харрис, США может показать себя на глобальной сцене как выразительный пример того, как признание и сохранение истины и разработка осмысленной программы расового исцеления может содействовать трансформации Америки. В этой стране будут справедливо относиться ко всем гражданам, они будут иметь равный доступ к гражданским правам, а барьеры, препятствующие равному участию, будут преодолены. Если мы целенаправленно коллективными усилиями создадим систему финансовой поддержки пострадавшим от рабства, учредим национальные и локальные архивы расового и культурного исцеления, а также примем реализуемую целевую программу репараций, то мы можем быть уверены, что дегуманизация, вызванная европейской работорговлей, в конце концов прекратит свое существование, и мы сможем начать жить новой достойной жизнью. Истина о рабстве – это ключ к расовому исцелению, трансформации и нашему общему будущему благополучию. ■

Адрес для связи: Marcus Anthony Hunter <hunter@soc.ucla.edu>

> Изменение места китайцев в Европе

Фанни Бек, Центральный Европейский Университета (Венгрия) и Пал Ньери, Университет Амстердама (Нидерланды)

Исследователи выделяют несколько последовательных волн миграции этнических китайцев в Европу (см. [коллективную монографию](#) *Chinese Immigration to Europe*, 1998): мелкие торговцы из провинции Чжэцзян (начало XX века); колониальные мигранты из Гонконга и близлежащих регионов (середина XX века); постколониальные мигранты из Юго-Восточной Азии (после деколонизации и Вьетнамской войны); наконец, торговцы и трудовые мигранты из Китайской Народной Республики (в 1980-е годы в контексте политики открытости КНР). Благодаря этим волнам сформировались четко выраженные социолингвистические группы, которые мало общаются между собой, однако поддерживают масштабные международные связи. Социально-экономическое положение этих групп в конце XX века оставалось относительно низким. При этом наблюдались различия в положении китайцев Северо-Западной Европы (где мигранты концентрируются в основном в пищевой и ресторанной отрасли), Южной Европы (где китайцы работают в ателье) и в Восточной Европе (где они заняты импортом и розничной торговлей на рынках и в небольших магазинах).

В новом веке социально-демографический состав и социоэкономический статус этнических китайцев в Европе существенно изменился. Некоторые аспекты изменений обсуждаются на этом симпозиуме. Начнем с того, что сейчас взрослого возраста достигло новое поколение коренных китайцев, для которого характерно стремление к восходящей социальной мобильности. Как показывают исследования Чуан, Ле Бай и Тран, это поколение более чувствительно к дискриминации и восприимчиво к либеральным антирасистским ценностям; его представители обнаруживают, что их карьерные устремления фрустрированы снижением экономического роста в Европе и появлением заманчивых возможностей в самом Китае. [Иногда это приводит к миграции в Китай](#), но гораздо чаще – к поддержанию устойчивого транснационального жизненного пути. Если в прошлом миграция в Европу воспринималась как путь восходящей социальной мобильности, то сегодня такие движения стали более сложноподчиненными.

В характере новых миграций из Китая в Европу также нашли выражения кардинальные изменения глобальной политэкономии. Теперь большинство мигрантов из Китая не относятся к категории мелких торговцев и работников ручного труда – эти позиции в китайских ресторанах и магазинах в основном занимают представители других групп мигрантов. При этом формируется управляемая государством новая форма трудовой миграции, связанная с инфраструктурными проектами на юго-востоке Европы, финансируемыми китайским правительством. В миграционных потоках все более значимую позицию занимают студенты, менаджеры-экспатрианты, сопровождающие зарубежную экспансию капитала КНР, и мигранты, поддерживающие стиль жизни среднего класса. Об этом пишут в своих статьях Тёгерсен, Бек, Кньихар и Сабо. В результате сложившиеся ранее социолингвистические разделения между китайцами в Европе усложняются и все более перекрываются классовой стратификацией.

Позиция китайцев в европейских обществах изменяется не только благодаря «интеграции» представителей второго и третьего поколения выходцев из Китая, под давлением выдвигаемых ими требований и по причине более высокого социоэкономического статуса новых мигрантов. Важную роль также играет меняющаяся геополитика, в рамках которой Китай выступает как предмет зависти и страха. Рост враждебности между ЕС и Китаем приводит к тому, что этнические китайцы в Европе воспринимаются как потенциальные лоббисты интересов покинутой ими страны. Такие явления не новы, но становятся более очевидными благодаря присутствию в Европе новых китайских социальных сетей и [очевидному успеху китайцев в борьбе с коронавирусом](#). Как показывает Дэн в своей статье, одним из новых последствий является рост национальной уверенности, которая заставляет китайцев ставить под вопрос логику этнической иерархии, способствующей их маргинализации. В то же время остается неясным, как меняется положение локальных китайцев, которые проживают в европейских странах, поддерживающих дружественные отношения с Китаем – в Сербии и Венгрии (см. статью Гледич, а также статью Бек, Кньихар и Сабо).

Пандемия коронавируса резко вывела на передний план меняющееся положение китайцев в Европе. Многие китайцы столкнулись с вербальным и физическим насилием, вызванным прежде дремавшими расистскими или ксенофобными настроениями в сочетании с политическими подозрениями, нашедшими выражение в отчетах о «китайском вирусе». Когда рост пандемии обнаружился в Европе, китайцы, стремящиеся вернуться в КНР в поисках безопасности, столкнулись с противодействием правительства, которое создавало для них все большие финансовые барьеры. При этом подозрительное население Китая обвиняло желающих вернуться не только в том, что они являются носителями заразы, но и в проявлении нелояльности. Однако, как показывает Бофулин, транснациональная мобильность – обычная практика китайцев в Европе – также вызывает подозрение и недовольство тех китайских мигрантов, которые хотят найти виновников, ответственных за распространение вируса.

Сегодня такие панические настроения особенно выражены в социальных сетях. Если в конце 1990-х годов китайские медиа в Европе включали местные газеты разных политических ориентаций и молодое спутниковое телевидение, то сегодня в этой сфере доминируют такие китайские платформы, как *WeChat*. Они контролируются китайской цензурой, продвигающей народный национализм и пресекающей обсуждение альтернативных взглядов. Эта сфера онлайн очень значима для мобилизации. Однако она сосуществует с такими платформами, как *Facebook* и *Twitter*, которые выступают как мосты, связывающие китайцев с европейским общественным мнением. Этнические китайцы, рожденные

во Франции, которые стали вдохновленным движением *Black Lives Matter* активистами, протестующими против усиления расизма, используют ресурсы платформы *Facebook* для поиска союзников среди представителей других сообществ. Китайские предприниматели в Италии создают собственные расовые иерархии, а китайские представители среднего класса в Венгрии поддерживают возрождение идеала белой Европы, который пропагандируется правительством страны и резонирует с популярными расовыми теориями, циркулирующими на платформе WeChat. Часть европейских китайцев выступает против дискриминации, обращаясь к модели антирасистской антиэлитной солидарности. Другой сегмент борется за те же цели, продвигая идеи расового и классового порядка, которые лежат в основе мировоззрения части европейских и азиатских элит.

Участники дискуссии¹ основывают свои рассуждения об изменении положения китайцев в Европе на эмпирических исследованиях разнообразных пространств формирования межэтнических отношений – от школ-интернатов до баров и ресторанов. ■

Адреса для связи:
Fanni Beck <Beck_Fanni@phd.ceu.edu>
Pál Nyíri <p.d.nyiri@vu.nl>

¹ Идея этого симпозиума возникла в ходе мастерской «Межэтнические отношения: китайские мигранты и принимающие общества Европы», организованной Исследовательской сетью «Китай в Европе» (*China in Europe Research Network, CHERN*) в Будапеште 16 октября 2020 г. при поддержке Европейской программы научно-технического сотрудничества (*COST*).

> От молчания к действию: китайцы во Франции

Я Хан Чуан, Национальный институт демографических исследований (INED), Франция, **Эмили Тран**, Гонконгский баптистский университет, **Элен Ле Бай**, Центр международных исследований Института политических исследований (Sciences Po), Париж (Франция)

Французы азиатского происхождения на демонстрации против расовой несправедливости. Париж.
Фото: Камиль Мимеран.

Как и в других странах Западной Европы, например в Англии и Нидерландах, история китайских общин во Франции восходит к началу XX века. Сначала присутствие китайцев было связано с тремя основными факторами: колонизацией, наймом китайской рабочей силы во время Первой мировой войны и потоком студентов в межвоенный период. Эта ранняя мобильность повлияла на последующие волны миграции. Благодаря обновлению старых миграционных сетей после 1978 года китайские мигранты, в основном из города Вэньчжоу провинции Чжэцзян, стали прибывать во Францию. Вследствие французской колонизации во Франции живут китайцы из Юго-Восточной Азии, которые стали беженцами из Камбоджи, Вьетнама и Лаоса в 1970-е и 1980-е годы. На рубеже веков состав этнического китайского населения во Франции стал более разнообразным по месту происхождения, путям миграции и классовой принадлежности. Франция стала прибежищем для большого числа выходцев [из северного Китая](#), особенно из мест, которые пострадали от массовой безработицы 1990-х годов, вызванной транзитом от плановой экономики к рынку. В целом, основным легальным каналом прибытия в ЕС остается [студенческая виза](#). Во Франции китайцы составляют

[вторую по величине группу иностранных студентов](#) (9%) после выходцев из Марокко.

Китайская диаспора во Франции является одной из самых больших в Европе. По оценке экспертов, она насчитывает около 400 тыс. китайских мигрантов и их потомков (хотя Франция не ведет официальной этнической статистики). Среди иностранцев, имеющих вид на жительство, граждане КНР являются [пятой по величине группой](#). В эту категорию входят люди с различным уровнем образования, занятости и экономического статуса; среди них есть богатые инвесторы, транснациональные трейдеры, профессионалы, студенты, предприниматели и работники физического труда. Китайцы, живущие во Франции, принадлежат к разным поколениям, различаются по степени мобильности и уровню участия в жизни французского общества. При всем разнообразии мигрантов из Китая можно выделить и общие для них черты. Среди этих черт – кооперация между этническими китайцами из Юго-Восточной Азии и мигрантами из КНР (в основном из Вэньчжоу) в предпринимательском сегменте диаспоры, а с недавнего времени и участие в коллективных действиях, поднимающих вопросы безопасности и повседневного расизма.

>>

> Коллективные действия против расизма

Члены китайской общины, проживающие в Париже и его окрестностях, стали жертвами ограблений и мелких преступлений. Дело не только в том, что китайцев считают богатыми. Как известно, китайский бизнес и китайские праздники сконцентрированы в одном пространстве, и роскошные китайские свадьбы проходят в полиэтнических бедных районах. Китайцы также более уязвимыми из-за того, что они избегают обращения в полицию после разбойных нападений или грабежей. Для мигрантов без документов и мелких предпринимателей прекарный статус и безразличие к французской политике исторически привели к тому, что они [воздерживаются от участия в общественной мобилизации](#).

Однако в последнее десятилетие, на фоне роста обеспокоенности безопасностью в связи с участвовавшими случаями нападений, китайская община в Париже, известная как молчаливое или даже *образцово лояльное меньшинство*, незаметное на политической арене и приверженное дисциплинированному труду, организовала не менее пяти массовых демонстраций с требованиями защиты со стороны полиции. В некоторых случаях эти акции поддержало китайское посольство, руководствуясь принципом «[защиты соотечественников за рубежом](#)», который с 2012 является приоритетом китайского правительства и способом проекции государственной власти КНР. Эти пять акций протеста различались по типу мобилизации: три из них представляли собой массовые демонстрации, одна акция была организована ассоциацией предпринимателей, которые создали группу влияния (не добившуюся своих целей); последняя акция представляла собой сочетание уличных протестов с мирным шествием. Все эти действия поднимают проблемы безопасности, с которыми сталкиваются китайские резиденты и предприниматели в отдельных районах города. Участники акций выступили с требованиями усилить полицейский патруль в районе, ужесточить наказание преступников и облегчить процедуры, позволяющие жертвам китайской национальности обращаться с жалобами в полицию.

Поворотным событием, стали [уличные протесты 2016 года](#), последовавшие за убийством китайского рабочего в пригороде Парижа. С этого момента представители второго поколения мигрантов стали играть более активную общественную роль. Этнические китайцы, родившиеся во Франции, [переформулировали свои требования](#) и подчеркнули, что в основе насилия, направленного на этнических китайцев и других выходцев из Азии, лежит структурный расизм. Если в Северной Америке или Австралии паназиатские общественные движения и активизм китайцев давно стали предметом исследования, в Европе это сравнительно новая проблематика. На французском материале можно выделить три основных типа акций, объединенных борьбой за признание и протестом против стереотипных репре-

зентаций: 1) действия, связанные с сохранением и передачей коллективной памяти; 2) мобилизация против акций ненависти в отношении китайцев, 3) [культурный активизм](#), ориентированный на выявление и изменение стереотипных репрезентаций выходцев из Азии.

Чтобы осмыслить недавние акции протеста французских китайцев, необходимо вернуться в 2000-е годы, когда получили распространение социальные онлайн-сети – пространства, где индивидуальный опыт трансформируется в коллективное переживание. В сетях появилось много информации о микроагрессии и скрытых формах оскорбления на расовой почве. Французские китайцы стали создавать форумы и группы обсуждения в социальной сети *Facebook*, а позднее на платформе *WeChat* и в Твиттере. Там они делятся опытом – в основном на французском языке, а иногда на смеси французского с китайским или другими азиатскими языками.

«Культурный активизм», получивший развитие после 2016 года, также в основном использует онлайн-инструменты коммуникации – короткие видео, блоги, каналы *YouTube*, подкасты и веб-сериалы, открывающие новые возможности для общения рожденных во Франции людей азиатского происхождения, принадлежащих к медиа- и художественной сфере. Начиная с 2016 года многие внесли свой вклад в конструирование коллективной идентичности и борьбу с антиазиатским расизмом во Франции. Некоторые стремятся связать свои действия с требованиями других меньшинств, стараясь таким образом нейтрализовать межэтнические напряжения. Пример этому – подкаст Грас Ли *Kiffe ta race*, созданный совместно с известной афрофеминисткой Рокейей Диалло, а также участие французов азиатского происхождения в протестах *Black Lives Matter*. Другие активисты связывают этнорасовые проблемы с гендерными вопросами, подвергая деконструкции эротизацию азиатских женщин и десексуализацию азиатских мужчин.

В 2020 году пандемия COVID-19 создала уникальную возможность для Китая разыграть международную кампанию публичной дипломатии, заручившись поддержкой китайских эмигрантов в распространении нарратива, называемого «правдивым рассказом о Китае». Остается неясным, насколько КНР будет эксплуатировать недавно возникший китайский этнический активизм, направленный на борьбу с расизмом в отношении выходцев из Азии, спровоцированным ситуацией с COVID-19. Еще интереснее было бы сравнить реакцию китайцев первого, второго и третьего поколений на транснациональные действия большого Китая и попытки мобилизации соотечественников за рубежом. ■

Адреса для связи:
Ya-Han Chuang <ya-han.chuang@ined.fr>
Emilie Tran <emilietran@hkbu.edu.hk>
Hélène Le Bail <helene.lebail@sciencespo.fr>

> Китайские студенты в Европе

Стиг Тёгерсен, Орхусский университет, Дания

Китайская студентка на европейском кампусе. Лицензия Creative Commons.

В 1978 году Дэн Сяопин объявил, что Китай ежегодно будет посылать от трех до четырех тысяч студентов за рубеж с целью преодоления научной изоляции страны и ускорения процессов модернизации. В то время его планы казались амбициозными, но он вряд ли мог вообразить масштаб миграционной волны, которую вызовет эта политика. На сегодняшний день Китай является самым крупным поставщиком интернационально мобильных студентов. [По данным ЮНЕСКО](#), почти 1 млн китайских студентов учится за рубежом, их плата за обучение является существенным источником дохода для многих университетов, и они стали значимой составляющей китайского глобального присутствия.

Значительная доля студенческого миграционного потока ориентирована на страны Европы. Больше всего китайцев обучается в Великобритании: в этой стране их более 107 тыс. На глобальном уровне только в США и Австралии еще больше китайских студентов. Это неудивительно, если иметь в виду, что основным иностранным языком китайской образовательной системы является английский. Другие крупные европейские страны, где есть университеты с высоким рейтингом, также привлекают китайских студентов. В Германии обучается более 30 тыс. выходцев из Китая, во Франции их почти 24 тыс., а в Италии – более 15 тыс. Даже небольшие европейские страны, такие, как Швеция, Ирландия, Венгрия и Швейцария, ежегодно открывают двери почти двум ты-

сячам китайских студентов. Стипендии континентальных европейских правительств, сравнительно более низкая плата за обучение, чем в США и Великобритании, а также возможность путешествовать по странам Шенгенской зоны – все это привлекает студентов в неанглоязычные страны. Многих привлекает европейская культура, и они рассматривают, например, Францию и Италию как романтические места с привлекательным образом жизни.

> Меняющийся профиль студентов в последние десятилетия

Многое изменилось с тех пор, как первые студенты постаоистской эпохи приехали в Европу в 1978 году. Прежде всего, процесс, который начинался как стратегический маневр под полным контролем китайского государства, теперь продвигается индивидуальными устремлениями студентов и их семей. Об этом свидетельствует тот факт, что [обучение 90% китайских студентов за рубежом финансируется их семьями](#). В результате сформировался высоко коммерциализированный рынок международного образования, в условиях которого на миграционный выбор студента оказывает влияние множество факторов. Принимая решение о том, где учиться, китайские студенты учитывают [престиж и рейтинг университета](#), размер платы за обучение и стоимость проживания, шансы получения грантов на обучение в стране, куда планируется поехать, предполагаемый уровень социальной безопасности, а также общую репутацию принимающей страны.

>>

Все эти обстоятельства имеют значение в замысловатой игре, в которой неплохие прибыли получают [частные китайские предприниматели, занимающиеся образовательным бизнесом](#). Они помогают китайским семьям обойти подводные камни мобильности, принять сложные решения, оформить визы и подать заявки на обучение.

Во-вторых, обучение за рубежом не всегда является приоритетом для китайских студентов. Вплоть до 2000 года наиболее привлекательным для большинства студентов являлось [гибкое гражданство в развитых странах](#); сегодня многие из них считают более привлекательным обучение в одном из наиболее престижных университетов Китая. Социальный престиж, ассоциирующийся с западным дипломом, существенно снизился, если речь не идет о самых высококлассных университетах с известным брендом. Китайские СМИ сообщают об иностранных «фабриках дипломов» и низком уровне зарубежных образовательных программ. Однако китайская система высшего образования является крайне стратифицированной. Поступление зависит от результатов национальных вступительных экзаменов – *гаокао*, которых все боятся. Поэтому многие студенты, принадлежащие к средним классам, стремятся получить образование за рубежом, вместо того чтобы учиться во второсортном или третьесортном китайском университете, диплом которого гарантирует весьма скромные карьерные перспективы.

В-третьих, если раньше студенты рассматривали обучение за границей как стартовый этап стратегии переселения, теперь оно чаще рассматривается как ступень в карьере на родине. В 1980-е годы, особенно после подавления демократического движения 1989 года в Китае, совсем немногие китайцы, получившие дипломы о высшем образовании за границей, собирались вернуться домой. В XXI веке ситуация существенно изменилась в связи с сокращением европейского рынка занятости, ростом оплаты труда и карьерных перспектив в Китае, а также благодаря [серии политических мер китайского правительства](#), ориентированных на стимулирование возвратной миграции тех, кто получил высшее образование за рубежом. Хотя китайское государство более не строит детальных планов насчет того, кто и чему должен обучаться за границей, оно по-прежнему считает, что циркуляция умов является ресурсом национального развития. Наконец, современные китайские студенты-мигранты гораздо моложе, чем предшествующее поколение. Среди них гораздо больше студентов бакалавриата, чем тех, кто уже имеет высшее образование. Многие семьи даже отправляют детей за границу учиться в старших классах школы, чтобы обеспечить им культурную и академическую подготовку для дальнейшего обучения в университете.

Большая часть исследований, посвященных образовательным стратегиям мигрантов прежних поколений, фокусировалась на проблемах западных преподавателей, которые жаловались на то, что [китайские студенты](#)

[слишком молчаливы, держатся вместе, создавая этнические анклав, и относятся к образованию сугубо прагматически](#). Конечно, эти проблемы все еще сохраняются, но последние исследования рассматривают студенческий опыт в более широкой перспективе. На фоне растущей индивидуализации китайского опыта становится ясно, что студенты рассматривают свою учебу за рубежом «как [эмоциональное путешествие, меняющее идентичность и трансформирующее личность](#)», как опыт приобретения личностной зрелости, который расширяет их жизненные горизонты и делает их более компетентными не только в профессиональном смысле, но и как граждан современного мира. Подобно своим западным современникам, молодые китайцы, если у них есть такая возможность, [сочетают обучение с путешествиями по миру](#) с целью более глубокого познания иностранных культур, а также проверки способностей к выживанию и успешности в различных социальных и культурных контекстах. Это означает, что все больший интерес вызывают общественные науки и обучение на гуманитарных программах, хотя многие студенты по-прежнему отдают предпочтение точным наукам и изучению бизнеса. Студенты, выбирающие подготовку в сфере гуманитарных наук, при этом прекрасно осознают, что такое образование не обязательно обеспечит им надежную позицию на китайском или европейском рынке труда.

Приток студентов-мигрантов изменил состав китайского населения в Европе. Однако мы довольно мало знаем о том, как со студентами взаимодействует китайская диаспора. [Исследование, проведенное во Франции](#), показывает, что китайские студенты формируют сильные национальные землячества, однако их взаимодействие с давно существующими китайскими сообществами крайне ограничено. С другой стороны, [исследование, проведенное в одном из городов Великобритании](#), демонстрирует больше взаимодействия и потенциальную значимость студентов из КНР для дальнейшего развития китайских диаспор.

Число китайских студентов в европейских университетах устойчиво возрастает в течение нескольких десятилетий, но последние тенденции делают будущее миграций менее предсказуемым. Пандемия 2020 г. временно блокировала большинство программ образовательного обмена, и в 2021 году такая ситуация, возможно, будет продолжаться, поскольку китайцы долгое время будут считать Европу источником распространения вируса. Кроме того, усиливающаяся напряженность в отношениях между Западом и Китаем привели к формированию [более негативного восприятия Китая в Европе](#) и отношения к китайским студентам как к угрозе безопасности. Таким образом, на будущее образовательной миграции между Европой и Китаем может оказать влияние международная политика. ■

Адрес для связи: Stig Thøgersen <stig.thogersen@cas.au.dk>

> Китайские мигранты с «золотой визой» в Будапеште

Фанни Бек, Центральный Европейский университет; Эстер Кньихар, Университет Этвоша Лорана, Линда Сабо, Центр исследований и социальной политики периферии (Венгрия)

Изменение позиции Китая и реконфигурация социальных структур глобального капитализма приводит к тому, что все больше китайских семей, принадлежащих к городскому среднему и высшему классу, перемещаются в мировом пространстве, отдавая предпочтение ряду стран. Опросы показывают, что такой «исход богачей» мотивирован в большей степени постматериалистическими установками, нежели стремлением к дальнейшему накоплению. Эти люди составляют формирующийся рынок программ «золотой визы», запущенной рядом стран для привлечения иностранного капитала путем продажи прав на жительство и гражданство. В последние годы многие китайские «золотовизовые» мигранты стали отдавать предпочтение странам Центральной и Восточной Европы, правительства которых предоставляют им самые дешевые миграционные схемы.

> Программа «золотой визы» в Венгрии

Эта схема миграции с 2013 по 2017 годы создавала наиболее благоприятные условия, привлекательные для новой аудитории. Во время действия программы «золотой визы» Венгрия обеспечивала вторую по дешевизне, самую простую и быструю процедуру получения вида на жительство. Получатели должны были купить государственные облигации сроком на 5 лет на сумму около 250 000 евро (позже 300 000 евро) и оплатить комиссионные. Эти правила позволили более девятнадцати тысяч заявителей получить право на проживание; 81% из них составили урожденные китайцы. Хотя программа была создана специально для «мигрантов без поселения», программа в итоге привлекла не предпринимателей, заинтересованных в мобильности внутри ЕС. Открывшейся возможностью переезда за границу воспользовались семьи, чьи инвестиции стали для них инструментом достижения по сути внеэкономической цели – создания целостной среды, благоприятной для воспитания детей из финансово благополучных семей.

«Золотовизовые» мигранты из Китая в Венгрию являются представителями семей среднего класса из китайских мегаполисов (в основном из Пекина, Шанхая и Гуанчжоу). Экономически они рассчитывают на доходы и денежные переводы, поступающие из Китая. В отличие от мелких торговцев, приехавших в Венгрию в начале 1990-х годов главным образом с целью экономическо-

Реклама венгерской программы «золотой визы»: «Из всех миграционных программ шенгенской зоны только эта программа не имеет ограничений для подачи заявлений на получения вида на жительство. Только эта программа не требует пребывания на территории страны для подачи заявления на получение вида на жительство. Инвестиции государства: безопасно и просто. Государственная поддержка, жить в Венгрии не обязательно». Источник: <http://immigration-hungary.com/EN/>.

го накопления, новая миграционная волна состоит в основном из семей, приехавших в Венгрию в поисках спокойного образа жизни в культурно богатой, экологически зеленой и расово однородной белой среде, которая представляется им аутентичной Европой. Цена за такую возможность кажется им вполне умеренной.

Решение таких семей покинуть Китай и выбор Венгрии как страны миграции порождены особыми условиями исторического, социального и экономического конструирования детства в условиях китайской политики «одного ребенка в семье». В 1970-е годы программа планирования семьи, принятая правительством КНР, обосновывалась целью улучшения качества жизни за счет снижения прироста населения. Качество жизни стало идеей фикс для родителей среднего класса, которые ставили перед собой задачу максимального улучшения «качества» своего единственного ребенка. Согласно официальному китайскому дискурсу, качество телесного, нравственного и образовательного состояния индивида – это не только предмет личных усилий, но и следствие влияния окружающей среды. Ожидания среднего класса не могли быть удовлетворены условиями жизни в китайских мегаполисах.

“Со времени запуска программы «золотой визы» и вплоть до 2020 года в Будапеште отмечался рост жилищной собственности, приобретаемой иностранцами”

> Европейский дом по скидке

По указанным причинам мигранты из Китая выбрали Венгрию в качестве идеальной страны переезда со вполне подходящими физическими, социальными и образовательными условиями, а также доступной стоимостью проживания. «Золотовизовые» мигранты из Китая стремятся найти удобное жилье, которое станет не только хорошим вложением средств, но и прекрасным домом для семьи. Феномен идеального дома тесно связан с ощущением «завершения путешествия и обретением оседлости», а также с понятием [домовладения](#). Возможность приобретения наследуемого дома дает китайским мигрантам шанс на лучшую жизнь в обмен на более низкие капиталовложения в Венгрии по сравнению с ценами на жилье в китайских мегаполисах или любых других современных капиталистических городах мира. Большинство мигрантов оседают в столице страны, Будапеште.

Начиная с запуска программы «золотой визы» вплоть до 2020 года в Будапеште отмечался рост жилищной собственности, приобретаемой иностранцами. Несмотря на общий бум на жилищном рынке, китайцы составляют крупнейшую группу иностранных индивидуальных инвесторов.

Но не только «золотая виза» привлекает китайцев к будапештской недвижимости. Многие мелкие торговцы также стали инвестировать в жилье. Наше исследование показывает, что хотя жилплощадь в центре города остается привлекательной для обеих категорий инвесторов, мелкие торговцы более склонны к покупке собственности в районах, близких к китайским оптовым и розничным рынкам, или в более доступных по цене пригородах Пешта. Мигранты, прибывшие по «золотой визе», проявляют растущий интерес к новой застройке в более холмистой и зеленой Буде и к покупке домов, расположенных на периферии будапештского мегаполиса.

Некоторые «золотовизовые» мигранты используют собственность как инвестиции. Однако квартиры для себя большинство все же приобретает в районах с высоким качеством школ и жилищного фонда. Абстрактные идеи о качестве жизни проецируются на пространство и оцениваются по критерию идеального сочетания расовых и классовых характеристик района проживания с учетом этнического состава учащихся близлежащих школ. Что касается расовой составляющей, то в этом случае мигранты учитывают присутствие в школьных классах детей цыган или мигрантов. Идеальная модель такого выбора может быть обозначена как селективный космополитизм. Западный стиль жизни привлекателен для многих китайских мигрантов, однако они [с настороженностью относятся к присутствию мусульман и чернокожих](#). Таким образом, они поддерживают антимигрантскую популистскую правую политику нынешнего венгерского правительства, несмотря на то что сами являются мигрантами. Многие вновь прибывшие считают, что Венгрия более гостеприимна, чем западноевропейские страны, и утверждают, что фактически не испытывают дискриминации. Парадоксальным образом, эти же информанты одобряют правительственную политику селективной миграции, которая привела к относительно небольшому количеству беженцев, мигрантов-мусульман и/или выходцев из Африки. Такая политика способствует их чувству безопасности.

Правила получения вида на жительство и гражданства стратегически используются национальным правительством как инструмент доступа к экономическим ресурсам за пределами Западной Европы – как посредством программы «золотой визы», так и через особые каналы в рамках международных дипломатических отношений. Такие механизмы способствуют продвижению экономических интересов правящей элиты и получению ею некоторых политических и экономических рычагов воздействия на стратегии ЕС. Будучи гражданами страны, набирающей все больший вес в глобальном мире за пределами трансатлантического блока, китайские мигранты, получившие «золотую визу», могут стать благополучателями этого процесса. Иронично, что при таких противоречивых политических и экономических обстоятельствах они могут обрести в Будапеште чувство дома и принадлежности к Европе. ■

Адреса для связи:
 Fanni Beck <beck_fanni@phd.ceu.edu>
 Eszter Knyihár <nyihar.eszter0302@gmail.com>
 Linda Szabó <szabo.linda@periferiakozpont.hu>

> Китайцы в Италии: бизнес и идентичность

Тин Дэн, Центр демографических исследований и обучения, Брауновский университет (США)

Объявления о найме дешевого жилья на почтовом ящике в китайском квартале Милана. Фото: Тин Дэн.

Юань родился в Болонье в 1988 году. Он принадлежит к третьему поколению китайских иммигрантов: его предки прибыли в Италию в 1930-е. Брат его деда первым в роду ступил на итальянскую землю: вместе с односельчанином он отправился искать счастья за границу. Как многие другие представители первой когорты китайских мигрантов, он женился на итальянской деревенской девушке, хотя межрасовые браки в принципе официально не поощрялись итальянскими фашистами, которые в то время находились у власти. В отличие от большинства итальянских китайцев двоюродный дедушка Юаня не вернулся в Китай после Второй мировой войны. Он остался в Италии и работал в своей маленькой мастерской, где вместе с женой занимался пошивом кожаных сумок. У супругов родилось несколько детей, но никто из них, по словам Юаня, не поддерживал отношений с китайскими родственниками, которые позже мигрировали в Италию. Когда в 1950-е годы в Италию приехал дедушка Юаня, он стал работать в мастерской брата. В это время на родине, в городе Вэньчжоу на юго-восточном побережье Китая, у него оставались жена и дети. Отец Юаня с братьями вновь воссоединились со своим отцом в 1978 году. В Италии отец Юаня вместе с женой и дочерью открыл китайский ресторан. Он был расположен в районе Болоньи, который в настоящее время является местом плотного заселения этнических китайцев. Все дяди Юаня открыли свои рестораны или мастерские. В соответствии с классической моделью цепной миграции члены семьи Юаня один за другим приезжали в Италию, начинали работать в семейном бизнесе, а затем отделялись и основывали свое собственное небольшое предприятие.

Возможно, никто из первых мигрантов из Вэньчжоу не предполагал, что цепная миграция, которую они запустили, в результате привлечет сотни тысяч неквалифицированных работников из Китая в Италию и другие страны Европы. Выходцы из Китая хотели [«быстро разбогатеть в Европе»](#), и поток мигрантов не прекращался с той поры, как Китай открылся капиталистическому миру. С середины 1980-х до глобальной рецессии 2008 года [китайская миграция удовлетворяла потребности итальян-](#)

>>

ского рынка труда, который нуждался в дешевой и гибкой транснациональной рабочей силе для обслуживания растущей популярности итальянских брендов глобальной быстро обновляющейся модной индустрии.

Швейные мастерские и ресторанный бизнес – это две основные бизнес-ниши, которые способствуют экономическому благосостоянию китайцев в Италии. В 1990-е годы, когда Китай утвердился на глобальном рынке как производитель и экспортер товаров, транснациональная торговля и сопровождающий ее бизнес оптовых поставок создали новую траекторию экономического успеха более молодых когорт мигрантов из Китая. В новом тысячелетии в условиях постепенного завершения массовой миграции из Китая экономика этнических китайцев в Италии распространилась далее в сферу мелкой розничной торговли и сервиса. При этом все большее число китайцев занято в малом бизнесе, который удовлетворяет спрос различных местных потребителей. Китайцы открывают кофейни, дешевые продуктовые магазины и парикмахерские. В последние годы все больше китайских мигрантов в Италии также участвует в транснациональном бизнесе: некоторые инвестируют в проекты в Китае; другие используют *WeChat* (китайскую социальную сеть), чтобы участвовать в процветающем малом бизнесе для китайских потребителей обеих стран.

Кроме того, в Италии увеличилось внутригрупповое разнообразие китайского населения, что находит проявление в межпоколенческих различиях. Китайцы, принадлежащие к поколению Юаня – те, кто родился или, по крайней мере, вырос в Италии – более не удовлетворяются своим ограниченным положением в этнической экономике, которая в предыдущих поколениях была основана на дешевой рабочей силе. Все больше китайцев итальянского происхождения получает высшее образование и стремится найти работу на мейнстримном рынке труда. И все же китайская идентичность и этнические ресурсы по-прежнему являются ключевыми составляющими социального и культурного капиталов молодых китайцев. Некоторые из них работают юристами, врачами и занимают другие профессиональные позиции, но их клиентами остаются главным образом представители китайских общин. Другие находят работу на китайских новых государственных и частных предприятиях, которые ведут деятельность в Италии, или в других транснациональных

компаниях. Иронично, что Юань и многие другие китайцы его поколения, выросшие в среде, где китайский язык не был важен, в настоящее время изучают родной язык. Молодые родители поколения, к которому принадлежит Юань, считают владение китайским языком необходимой частью образования своих детей.

Для итальянских китайцев, чей опыт жизни в Китае крайне ограничен, Китай перестал быть просто отдаленным воображаемым местом. Эта растущая экономическая держава играет все более важную роль в формировании этнической китайской экономики Италии. Быть китайцем значит обладать определенной формой «этнического капитала», который может способствовать выживанию в экономически неопределенных условиях сегодняшнего и завтрашнего дня. Однако Китай – это не просто поставщик ресурсов для итальянских китайцев. Он все чаще становится для них мерилом, посредством которого они оценивают Италию как страну. На фоне успехов Китая экономическая стагнация Италии вызывает недовольство; многие разочарованы растущей мультикультурностью итальянской социальной реальности. Многие итальянские китайцы, с одной стороны, критикуют повседневную дискриминацию, с которой сталкиваются, и называют ее *razzismo* (расизм). Однако при этом они усваивают негативные стереотипы в отношении других мигрантов, а также итальянцев, с которыми сталкиваются в своих барах или ресторанах. Они часто эссенциализируют итальянцев как людей ленивых, неаккуратных и менее трудолюбивых, чем китайцы. Выражая восхищение приписываемой итальянцам способности хорошо проводить свободное время и радоваться жизни, многие китайцы в Италии уверены, что именно эти качества приводят к экономическим проблемам страны.

Многие китайцы в Италии убежденно поддерживают пекинское правительство в таких противоречивых вопросах китайской политики, как протесты, вызванные законом об экстрадиции в Гонконге, положение уйгуров в провинции Синьцзян и пандемия COVID-19. Эта поддержка весьма заметна на фоне западной медийной критики китайского правительства. В этом смысле Китай, который покинули предки Юаня, и современный Китай разительно отличаются друг от друга. ■

Адрес для связи: Ting Deng <ting_deng@brown.edu>

> Изменение статуса китайцев в Сербии

Елена Гледич, Белградский университет, Сербия

Ресторан в Белграде пытается привлечь внимание китайских туристов.
Фото. Елена Гледич.

За последнее десятилетие отношения между КНР и Республикой Сербия стали теснее, что привело к изменениям в жизни мигрантских общин и миграционных трендах. Статус китайцев в Сербии поменялся: если сначала они воспринимались как нежелательные чужаки, которые все же могут пригодиться во время экономического кризиса, то теперь они воспринимаются как сложная группа, которая с одной стороны представляет собой ресурс или новую возможность, а с другой – потенциальную угрозу.

> Первая волна миграции

Первые крупные группы китайских мигрантов обосновались в Сербии в 1990-х годах. Они отправились на юг Европы, столкнувшись с неблагоприятными изменениями визового режима в Венгрии. В основном это были торговцы – выходцы из южных провинций Китая, занятые в транснациональном бизнесе и живущие в довольно изолированных сообществах соотечественников. Они продолжали заниматься торговлей в регионе, действуя теперь в основном из Белграда, а не из Будапешта. Таких предпринимателей, видимо, [привлекают страны с переходной экономикой](#), где можно заработать на нехватке потребительских товаров. Присутствие этих мигрантов может рассматриваться

как продолжение [исторических трендов китайской миграции в Восточную Европу](#), а также как следствие [изменения позиции Китая в мире](#). Приток китайских мигрантов можно также интерпретировать как результат изменения положения Сербии в Европе. Хотя Сербия привлекает китайских торговцев относительно мягкими правилами миграции по сравнению с принятыми в ЕС, далеко не все мигранты собираются осесть в этой стране. Как правило, они отправляют детей учиться в Китай, так что мало китайцев, родившихся в Сербии, продолжают в ней жить. Поскольку процессы интеграции Сербии в ЕС замедлились, китайский бизнес перемещается в Болгарию, Румынию, Италию, Хорватию и другие страны ЕС, а также в Южную Америку и Африку.

Несколько исследований положения первых китайских сообществ в Сербии показывают, что [китайские мигранты в основном воспринимаются отрицательно](#). Их деятельность ассоциируется с низким качеством товаров, которые они продают. Сербы отдают должное китайским торговцам как поставщикам широкого ассортимента товаров, которые пользовались большим спросом во время экономических санкций 1990-х годов. Однако именно ассоциация с беспокойным историческим периодом в жизни страны, который все были рады преодолеть, способствует неблагоприятному статусу китайских мигрантов.

> Новые миграции и мобильность

После того как Китай и Сербия в 2009 году заключили договор о стратегическом партнерстве, сотрудничество между двумя странами стало развиваться более интенсивно. Под эгидой «Нового шелкового пути» наблюдается значительный рост числа китайских строительных проектов и инвестиций в сербскую экономику, а также возросла кооперация в сфере культуры и технологий. Совсем недавно усилия Сербии по борьбе с COVID-19 возглавила команда китайских врачей в соответствии с «китайской моделью». Однако все эти изменения незначительно влияют на статус китайских мигрантов, которые уже некоторое время проживают в Сербии, поскольку [сербы не ассоциируют их с большим Китаем](#) [статья на сербском языке]. Более того, новые тренды миграции и мобильности приводят к новым волнам китайских мигрантов в Сербии, которые становятся новым лицом Китая в стране.

Китайские инвестиционные проекты сопровождаются новой миграционной волной: на фиксированный срок прибывают работники физического труда, а также менеджеры среднего и высшего звена. Хотя эти проекты получают массовое публичное освещение в СМИ, сами китайские общины живут вне публичного взгляда, в основном вблизи отдаленных строительных площадок, где работают. Впервые в истории Сербии китайские строительные рабочие в таком количестве приезжают в европейскую страну по межгосударственному соглашению. Это обстоятельство существенно меняет сложившееся ранее представление о том, что китайцы в Европе в основном заняты в [кейтеринге](#) или [швейной промышленности](#), часто работают нелегально и остаются невидимыми для большого общества.

Вторая новая волна китайцев в Сербии скорее является продуктом мобильности, чем миграции, поскольку ее вызвал принятый в 2017 году безвизовый режим перемещения между странами. Эта мера способствовала значительному притоку китайских туристов, которые, согласно отчетам, принадлежат к высшему среднему классу. Китайские туристы приезжали в Сербию в таких количествах, что был сформирован [специальный патруль в местах их скопления, состоящий из подразделений китайских и сербских полицейских](#). В 2019 году Сербия, наряду с другими странами [западных Балкан](#) и Кипром, стала европейской страной, где [существенно увеличился приток китайских туристов](#). Этот же феномен наблюдался [в странах Восточной Европы](#). Однако бум китайского туризма в Сербии пока не сопровождается миграцией, ориентированной на потребительский стиль среднего класса, как это происходит в Венгрии и Польше. Возможно, это связано с тем, что Сербия не входит в ЕС.

> Перспективы общего будущего

Описанные выше тенденции все еще не стали предметом глубоких исследований. И все же обзор СМИ и наблюдения показывают, что сербское население по-разному относится к описанным выше двум группам

китайских мигрантов. Представители новой волны приветствуются: сербские предприниматели видят новые возможности, сопряженные с прибытием все большего числа относительно зажиточных китайцев, стараются приспособиться и создают новые услуги, ориентированные на эту аудиторию, добываясь в этом большего или меньшего успеха. Потенциальная выгода такой мобильности для страны стала очевидна в каждом уголке Сербии, привлекательным для туристов. С другой стороны, при высоком уровне безработицы в Сербии китайские работники, занятые в инвестиционных проектах КНР, время от времени упоминаются как потенциальная угроза местному населению. Тем не менее есть и истории межэтнических дружеских отношений, и примеры близких отношений между китайскими рабочими и представителями местных сообществ. Отношения с новыми китайскими мигрантами могут принимать самые различные формы и в перспективе требуют более внимательного изучения.

Что касается китайцев, которые поселились в Сербии на рубеже XXI века, то их статус не слишком изменился под воздействием новых двусторонних договоров и сдвигов в геополитике. Однако перед ними также открылись новые возможности. Некоторые из них увидели перспективы расширения своего бизнеса, занялись снабжением строительных площадок китайской продукцией или открыли китайские рестораны и чайные вблизи туристических мест. Некоторые использовали свои преимущества как местных жителей и стали консультантами по организации бизнеса, строительству или развитию туристической отрасли. Возможно, первоначально китайцы, приехавшие в Сербию с первой миграционной волной, принадлежали к более низким социально-экономическим классам, нежели новые мигранты, поскольку приехали из менее развитого Китая. Однако сегодня их ресурсами является знание местных правил и опыт, в котором нуждаются новые волны приехавших китайцев. Благодаря тому, что они могут оказывать услуги сербскому обществу в организации контактов с вновь прибывающими, китайцы первой волны со временем смогут изменить свой статус в глазах местного населения.

Динамика взаимодействия между различными группами китайцев и перспективы развития их отношений с местным населением отражают сдвиги в глобальной политической экономии. Под значительным влиянием таких изменчивых факторов, как популизм и общественное здоровье, новые миграционные тренды ставят под сомнение существующие границы и иерархии и требуют пересмотра позиции всех групп мигрантов. Статус мигрантов, принадлежащих к разным волнам мобильности, может меняться в совершенно различных направлениях, о чем свидетельствуют различия в восприятии китайцев в сербском обществе, а также изменение восприятия позиций Сербии и Китая в мировом пространстве. ■

Адрес для связи: Jelena Gledić <jelenagledic@gmail.com>

> Китайские мигранты и пандемия COVID-19

Мартина Бофулин, Исследовательский центр Словенской Академии наук и искусств (Словения)

Граффити в Вене, март 2020. Фото: Себастьян Емец.

> Расизм, вызванный пандемией

Вскоре после старта пандемии SARS-CoV-2 в начале 2020 года был зафиксирован мировой рост актов насилия, расизма и предрассудков в отношении китайцев¹. На китайцев орали, нападали, их магазины и рестораны становились объектами вандализма, и причиной этому стала смесь страха и расизма, распространившихся среди простых людей и в официальных кругах.

Среди жертв такого отношения – мелкие предприниматели из Китая, живущие в Европе, чье право на легальное проживание часто основано на экономической деятельности и чей бизнес сразу же пострадал только из-за того, что он был «китайским». Большинство этих представителей малого бизнеса покинули Китай во время «миграционной лихорадки» (*going-out fever*) в конце 1980-х – начале 1990-х годов, охватившей, прежде всего, провинции Чжэцзян и Фуцзянь, но также затронувшей крупные города Китая и северо-восток страны.

В последующие десятилетия китайцы хорошо интегрировались в жизнь принимающего общества. Они часто работают в оптовых компаниях, занимающихся импортом (в основном в Восточной и Центральной Европе), в мелких фирмах готового платья (в Италии и Испании) или занимаются ресторанным бизнесом. Хотя китайцы и страдали от вербальных оскорблений и предрассудков на межличностном уровне, а также на уровне контрактных отношений с государственными властями, в целом они чувствовали себя в безопасности и принимали эти акты дискриминации как нечто само собой разумеющееся. Соответственно, их часто называли «невидимым» меньшинством и о них редко упоминалось при обсуждении расизма в Европе.

Через несколько недель после объявления о том, что вирус достиг Европы, мелкие предприниматели китайского происхождения столкнулись с падением продаж и посещаемости ресторанов, а некоторые – и с раз-

>>

бойным нападением на свои магазины (как это было в Италии). Их сторонились в автобусах или в приемных врачей (в Германии, Италии, Словении). На них нападали, они подвергались насмешкам и избиениям – часто за ношение масок (Италия, Нидерланды, Великобритания); их также обвиняли в спекуляции масками в целях наживы, когда они просто хотели защитить себя (например, в Словении). Более того, такое отношение испытали на себе не только китайцы, но все люди с азиатскими чертами, независимо от того, когда они приехали в Европу, являются они европейцами по рождению или нет.

> Сопротивление

Такие исключаяющие действия получили жесткий отпор во многих странах. Например, итальянский китаец Массимилиано Мартигли Цзян (*Massimiliano Martigli Jiang*), который ребенком приехал из провинции Чжэцзян, начал в социальных медиа кампанию: он разместил в сети свои фотографии на фоне главных туристических достопримечательностей Флоренции с плакатом, на котором было написано: «Я не вирус, я человек! Избавьтесь от своих предрассудков!». В Швеции корейско-шведская художница Лиса Воль-Рим Шёблум (*Lisa Wool-Rim Sjöblom*) во время пандемии публиковала комиксы, посвященные исключению, переживаемому выходцами из Азии, а итальянский художник Лайка (*Laika*) создал в Риме произведение уличного искусства, посвященное связи пандемии с расизмом в отношении выходцев из Азии. Расизм на почве COVID-19, таким образом, стал одной из значимых тем дискуссии о системном и межличностном расизме в отношении цветных людей Европы. Его проявления вызвали протест европейцев азиатского происхождения и мигрантов, прибывших из Азии.

> Социальное исключение вернувшихся домой

Если расизм в отношении мигрантов китайского происхождения в Европе хорошо документирован в СМИ и даже на странице в Википедии, то гораздо меньше нам известно об исключении, которые они испытали по возвращении в Китай. После того, как в марте 2020 года правительство КНР выступило с заявлением, что вирус прекратил распространяться по Китаю, власти страны стали крайне жестко контролировать импорт из-за границы. Они быстро ввели меры, препятствующие распространению пандемии. Китайские посольства, диаспорические организации и представители родных городов мигрантов призывали их не возвращаться в Китай. Поток мигрантов, возвращающихся на родину, рассматривался как угроза мерам по борьбе с распространением инфекции и общему нарративу успеха страны, которая эффективно и спокойно противостоит вирусу.

Дискурс об угрозе импортирования вируса мигрантами-возвращенцами, инициированный правительством, просочился и в социальные сети. Многие граждане интернет-пространства призывали возвращенцев «вернуться восвояси», осуждали их за инфантильное поведение (называя «гигантскими младенцами»²) и за то, что они «прене-

брегают благополучием родной страны и стремятся нанести ей ущерб своим скоропостижным приездом». В итоге главные СМИ страны приняли решение признать вклад китайцев, проживающих за рубежом, в благополучие большого Китая и осудили язык ненависти в онлайн-заявлениях. Однако новый дискурс исключения, вероятно, свидетельствует о том, что символическая роль китайцев за границей в строительстве китайского государства изменилась по сравнению с моментом начала реформ 40 лет назад. В прошлом китайские мигранты, безусловно, позиционировались как патриоты, которые содействуют модернизации родины.

Столкнувшись во время пандемии с практиками исключения как в стране происхождения, так и в стране проживания, многие китайские мигранты также были стигматизированы членами своих сообществ: родственниками и друзьями, членами землячеств. Стигматизация особенно сильно ощущалась мелкими предпринимателями а также выходцами из традиционных китайских мест эмиграции, например уезда Цинтянь провинции Чжэцзян. Жизнь этих людей встроена в тесные родственные и дружеские социальные сети, соединяющие различные места мира с местом происхождения мигрантов – гористой местностью Восточного Китая.

В диаспорических медиа подробно описан один из случаев социального исключения. Семья одного из первых европейских китайцев, умершего от COVID-19, стала не только жертвой омерзительных слухов, но и получала угрозы от соотечественников. Члены семьи считали, что вели себя ответственно и делали все возможное, чтобы предотвратить распространение вируса, но тем не менее их обвинили в том, что они представляют собой угрозу для жизни и бизнеса своих товарищей по миграции. Эта информация не только широко распространялась в сообществе мигрантов, но и циркулировала в стране происхождения, усиливая стигму семьи среди тех, кто остался на родине, в уезде Цинтянь.

Таким образом, пандемия показала, что социальное исключение и предрассудки все еще являются значимой частью опыта китайских мигрантов как в стране, где они живут и работают, так и в других локациях миграционного процесса. Более того, пандемия проявила новый дискурс о китайских мигрантах в самом Китае. На более общем уровне эта история демонстрирует актуальность представлений, соединяющих мигрантов и заболевание; эти образы используются как для сокращения мобильности, так и для более узкого определения того, какая мобильность является допустимой и приветствуется, а какая – нет. ■

Адрес для связи: Martina Bofulin <martina.bofulin@zrc-sazu.si>

1. <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/covid-19-crisis-triggers-eu-racism-against-asians-rights-agency-says>

2. Термин *giant babies* (гигантские младенцы) заимствован из книги психолога У Чжихуна «Страна гигантских младенцев» [*The Country of Giant Babies*, Wu Zhihong], в которой он подвергает критике развитие личности молодых китайцев. Термин часто используется онлайн для описания требовательных и надменных людей.

> Перспективы сравнительного анализа крайне правых режимов

Уолден Белло, Университет штата Нью-Йорк в Бингемптоне (США)

Пандемия COVID-19 дала толчок развитию левых идей о том, как реорганизовать общество более прогрессивным образом. На вебинарах, которыми полнится глобальное пространство, представляют разнообразные альтернативы, включающие возрожденное кейнсианство левого крыла, концепции антироста, деглобализации, экофеминизма, продовольственного суверенитета, эмансипаторного марксизма и *Buen Vivir*, или «Хорошей жизни».

Проблема в том, что эти прекрасные идеи имеют очень неопределенное политическое будущее, даже если принять во внимание, что господствующая парадигма либеральной демократии в сочетании с неолиберальной экономикой переживает глубочайший кризис и, возможно, даже «медленно умирает», как сказал экономист Дэни Родрик.

На противоположной стороне политического спектра консерваторы и крайне правые не выдвигают никаких действительно инновационных идей. Те интересные концепции, которые они проповедают (например, теория деглобализации), на самом деле перехвачены у левых. И все же крайне правые завоевали политическую популярность, а дестабилизирующее воздействие COVID-19 может усилить эту тенденцию.

Глобальный подъем крайне правых – это один из двух поразительных феноменов последнего полувека, наряду с коллапсом социалистического режима Восточной Европы и СССР в последнее десятилетие XX века.

В 2010-е годы в мире, за исключением Венгрии, не было ни одного режима, который можно было бы назвать «новым крайне правым». Сегодня мы видим, что крайне правым лидерам удавалось прийти к власти в четырех из семи крупнейших демократий: в Индии, США, Бразилии и на Филиппинах. И даже там, где крайне правые не входят в правящую коалицию и не имеют достаточного электорального веса, во многих случаях

они сдвинули центр тяготения политики вправо, что видно на примере Германии, Дании и Италии.

Правые режимы пришли к власти и на Глобальном Севере, и на Глобальном Юге. Хотя у этих режимов есть некоторые общие черты, существуют и различия, связанные с местом страны в глобальной политической экономике. Поэтому необходимо рассматривать каждый режим по отдельности, ведь их происхождение и динамику определяет не только глобальная политэкономия.

> Крайне правые Глобального Севера

Какие факторы обуславливают подъем крайне правых режимов и лидеров Глобального Севера?

Во-первых, крайне правые в Европе и США выиграли от негативного влияния неолиберальных мер на условия жизни населения. Формулировкой и воплощением неолиберальных социально-политических программ занимались социал-демократы и левоцентристы. Такая политика заставила значительную часть электоральной базы социал-демократов усомниться в том, что эти партии защищают их интересы. Разочарованные граждане оказались уязвимы для пропаганды крайне правых партий, воспользовавшихся моментом и занявших позицию социальной защиты (которую обычно занимали левые), а также с ловкостью отказавшихся от безоговорочной поддержки неолиберальных мер, характерной для правоцентристов.

Во вторых, в Европе крайне правые смогли капитализировать недовольство в отношении ЕС, опираясь на принципы демократии и утверждая, что невыборное технократическое руководство ЕС начинает преобладать над демократически избранными национальными лидерами стран-членов. Таким образом, когда в 2015 году так называемая Тройка проигнорировала результаты греческого референдума по поводу программы бюджетной экономики, которую она навязала греческому наро-

>>

“ Консерваторы и крайне правые не выдвигают никаких инновационных идей. Те интересные концепции, которые они проповедают, на самом деле перехвачены у левых. И все же крайние правые завоевали политическую популярность ”

ду, Марин Лепен, глава Национального фронта Франции, приняла демократическую позу и воскликнула: «Выбор таков – либо демократия, либо – евродиктатура!».

В-третьих, партии крайне правого крыла доминируют в обсуждении проблем миграции. Они не только обвиняют правоцентристов и левоцентристов в отсутствии удовлетворительной миграционной политики, но также развивают теорию заговора, в соответствии с которой правоцентристы, левоцентристы и ЕС совместно поддерживают наступление так называемых «орд мигрантов», и тем самым подрывают основания европейского и американского общества.

Протест против миграции и обеспечение господства белого общества над меньшинствами – вот центральные пункты программы крайне правых; они позиционируют свою оппортунистическую защиту антиглобализации, антинеолиберальную и «продемократическую» позицию в рамках расистского гештальта. Национальный фронт Марин Лепен во Франции (НФ), например, призывает к восстановлению налога на богатство, несмотря на то что всего лишь несколько десятилетий назад эта политическая организация выступала против прогрессивного налогообложения. Как демонстрируют исследования экономиста Томаса Пикетти, такие требования являются частью «социального поворота» партии, направленного на поддержку системы социальной защиты рабочих с помощью более высокого налогообложения. В Венгрии партия Фидес, возглавляемая Виктором Орбаном, увеличила поддержку семьям и субсидировала создание рабочих мест для безработных. Лидеры крайне правых утверждают, что определенные меры социальной поддержки, обеспечение рабочими местами и защита национальной экономики вполне допустимы, если получателями этой поддержки являются люди с «правильным» цветом кожи и «правильной» этничностью. Конечно, эта позиция не всегда выражается эксплицитно, но именно таково, по сути, послание крайне правых, и по сегодняшний день оно находит отклик у населения.

> Крайне правые Глобального Юга

Несомненно, неолиберальные структурные преобразования содействовали ухудшению условий жизни подавляющего большинства граждан демократических государств Глобального Севера. Однако то, что происходит на Глобальном Юге, например на Филиппинах, в Индии и Бразилии, носит более фундаментальный характер. Речь идет о пол-

ном отказе от либеральной демократии, который олицетворяют Родриго Дутерте на Филиппинах, Нарендра Моди в Индии и Жаир Болсонару в Бразилии. Дутерте похваляется тем, что он нарушает закон, запуская неправомерное преследование тысяч граждан своей страны. Моди торжествует на фоне упадка светской Индии, в которой процветало разнообразие. Болсонару ностальгически вспоминает военную диктатуру, которая 20 лет находилась у власти в Бразилии.

Отчуждение граждан от либеральной демократии в этих трех обществах объясняется колоссальным разрывом между обещаниями и реальностью либеральной демократии. Реальность жизни и идеалы индийской Конституции, Конституции Филиппин 1987 года и Конституции Бразилии 1988 года противоречат друг другу. Массовая бедность, неравенство и сокращение ресурсов рано или поздно должны были привести к взрыву массового недовольства.

Продвижение во власть крайне правых нельзя понять, не принимая во внимание разочарование среднего класса. В последнее тридцатилетие двадцатого века средний класс был главной движущей силой свержения диктаторских режимов на Глобальном Юге. Однако за последние двадцать лет его представители испытали глубокое разочарование, связанное с неспособностью либеральной демократии выполнить свои обещания и снижением жизненных стандартов. Средний класс стал более восприимчив к жестоким политическим решениям; значительная часть его представителей поддерживают неолиберализм, хотя его социальные программы влияют на средний класс крайне противоречивым образом. Неолиберальные программы разрушили условия жизни ряда представителей среднего класса, но принесли при этом выгоду другой его части, а также некоторым представителям низших классов, создавая эффект так называемого «среднего класса по устремлениям», который включает людей, по критериям дохода не относящихся к среднему классу, но стремящихся к этим позициям. Обращаясь к поддержке этого социального слоя, Моди, Дутерте и Болсонару стали продвигать неолиберальные программы. Это отличает их от правых на Глобальном Севере, которые активно дистанцировались от неолиберальных мер, руководствуясь оппортунистическими аргументами.

Страх перед ростом преступности и так называемыми «опасными классами» также является фактором, способствующим «поправению» средних классов, особенно в условиях вопиющего неравенства и бедности, которые

толкают некоторых людей в преступный мир и к наркотикам. В Бразилии и на Филиппинах страх перед преступностью и наркотиками стал главным фактором, который обусловил предвыборные возмущения среднего класса. Дутерте эффективно отделил наркотики и преступность от порождающего их социального контекста. Он демагогически превратил их в главные проблемы, которые стоят перед всеми социальными классами: богатыми, бедными и средними.

Народ (не только средний класс) также поддерживает антикоррупционные лозунги. Электоральные протесты воспламеняются слоганами о «свержении власти бездельников». Однако у граждан создается впечатление, что любая партия, которая приходит к власти на антикоррупционной платформе, затем коррумпируется. Именно поэтому люди стали крайне цинично относиться к выборам и поддерживают таких лидеров, как Моди и Дутерте, которые в состоянии тиражировать свой некоррупцированный образ (хотя в реальности все может обстоять иначе). При этом, возможно, те, кто поддерживает этих лидеров, не согласен со многими пунктами их программы и даже воспринимает их как угрозу своим политическим правам.

В Бразилии большое число избирателей поддержали Болсонару, чтобы наказать Рабочую партию за коррумпированное руководство. Несмотря на то что в коррупционные практики были вовлечены все партии, тяжесть народного гнева приняла на себя партия Лулы – возможно, именно потому, что она заявляла о своей некоррупционности до президентских выборов, что привели ее к власти, а затем стала восприниматься как погрязшая в коррупции. В предшествующих режимах коррупция была гораздо сильнее, чем при Луле и его преемнице на президентском посту, Дилме Русеф, однако плата за лицемерие оказалась выше, чем за неприкрытый обман.

Было бы глупо отрицать, что Дутерте и Моди пользуются широкой поддержкой представителей крестьянства, городской и сельской бедноты, а также рабочего класса. Однако существуют различия в поддержке этих лидеров со стороны средних и низших классов. Низшие классы обеспечивают «пассивный консенсус» (по Антонио Грамши), а средние классы демонстрируют вариант «активного консенсуса», что демонстрируют высказывания, транслируемые в печати, по ТВ и в интернете. Интеллигенция, принадлежащая к среднему классу, всегда играла лидирующую роль в формировании общественного мнения, а в Индии и на Филиппинах существенная часть этого слоя поддержала Моди и Дутерте.

И, наконец, успех этих крайне правых лидеров объясняется также их харизмой. Моди и Дутерте, будучи харизматическими фигурами, получают безусловную поддержку большинства. Это невозможно объяснить ни рациональным расчетом, ни классовыми интересами, ни протекционизмом. Никто из крайне правых лидеров Глобального Севера не может соперничать с этими персонами в отношении массовой поддержки. Лишь Дональд Трамп имеет похожее харизматическое влияние на членов своей партии и получает массовую поддержку электората: в 2020 году за него проголосовали 74 млн американцев, что на 11 млн больше, чем в 2016 году.

> Заключение

Крайне правые режимы на Глобальном Севере и Глобальном Юге имеют общие характеристики. В этом эссе представлено всестороннее объяснение роста их политической популярности в современной глобальной политической конъюнктуре по сравнению с их соперниками из политического центра и левого крыла. ■

Адрес для связи: Walden Bello <waldenbello@yahoo.com>

> Универсалистские цели

латиноамериканской социологии

Эстебан Торрес, Национальный университет Кордовы, Национальный научно-технический исследовательский совет – CONICET (Аргентина)

В этом разделе «Глобального диалога» представлена небольшая выборка теоретических инноваций, интеллектуальных футуристических проектов, разработанных передовыми латиноамериканскими мыслителями. Все эти авторы предлагают новые теоретические инструменты всестороннего исследования социальной реальности Латинской Америки, а порой и мира. Представляя различные национальные идентичности, авторы утверждают содержательно значимую общую для них латиноамериканскую идентичность, которая находит выражение в интеллектуальных проектах и представлениях о будущем региона и мирового общества. Большинство приглашенных авторов предлагают провести структурную реформу или, проще говоря, революцию мировой социологии. Все проекты наполнены творческой энергией; все авторы стремятся избежать простого воспроизводства чужих идей. Каждый автор предлагает собственный диагноз состояния региональной и мировой социальной науки, основных теоретических и политических проблем, с которыми сталкивается это поле производства знания, и делится мыслями о соотношении социального знания и социальных изменений.

Все эти ученые благодаря своим трудам и таланту обладают выдающейся репутацией в своих странах, в регионе в целом и все в большей степени в западном мире. Их проекты крайне амбициозны в самом

благородном смысле этого слова. Их роднит неистощимая преданность исследованиям, основанным на новых социальных теориях. В исследованиях, представленных в разделе, рассматриваются различные объекты, измерения и проблемы. Авторы этих исследований отличаются друг от друга идеологическими воззрениями, нормативными суждениями и политическими позициями. Разнообразием излагаемых идей подтверждается тот факт, что авторы сумели создать собственные теории, основываясь на локализованном прочтении ключевых проблем исторического настоящего, продвинувшись на пути формирования собственных концептуальных моделей социального мира и спроектировать горизонты изменения сообществ, на которые ориентирована их аналитическая работа.

При этом различные теоретические подходы, представленные в разделе, подчиняются общему стилю рассуждений, укорененному в истории Латинской Америки. Интеллектуальная траектория строится на основе энергичного отрицания любого представления о региональной автаркии или теоретической субординации Латинской Америки. Все авторы считают, что латиноамериканская идентичность и исторический путь региона – это выраженные позитивные ценности, источники независимого положения Латинской Америки на мировой сцене, а не ограничение, препятствующее размышлениям и действиям в контексте мирового общества. Не понимая этих общих

установок, которые основаны на общем эмансипационном наследии, укорененном в региональной истории, невозможно объяснить убедительность, мощь и оригинальность интеллектуальных траекторий и идей, представленных в этом разделе.

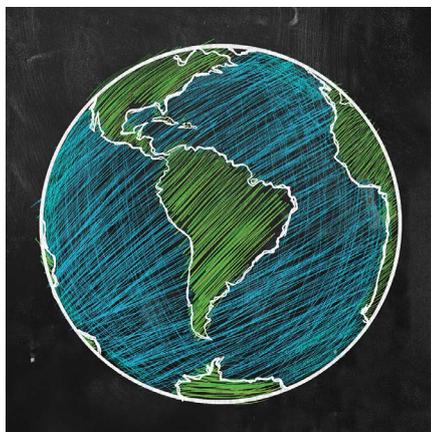
Я хочу также отметить, что большинство авторов раздела входят в рабочую группу «Социальная теория и реальность Латинской Америки» (*Teoría social y realidad latinoamericana*) Латиноамериканского совета социальных наук (*Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales – CLACSO*). Мы создали многонациональное коллективное пространство, объединяющее сорок исследователей. В настоящее время деятельность группы координируется Маурисио Домингесом и мною. Мы стремимся преодолеть существующий в социологии Латинской Америки теоретический дефицит самостоятельного развития. Чтобы продолжать двигаться в этом направлении, необходимо создать эгалитарный теоретический диалог между различными странами и региональными блоками мировой социологии. Соредатор «Глобального диалога» Клаус Дёрре предложил предоставить страницы журнала латиноамериканским социологам, и это прекрасный пример нового духа мирового развития нашей науки, в котором так нуждается наше время. ■

Адрес для связи: Esteban Torres
<esteban.torres@unc.edu.ar>

> Мировая парадигма

Новая идея для социологии

Эстебан Торрес, Национальный университет Кордовы, Национальный научно-технический исследовательский совет – CONICET (Аргентина)

Значительные трансформации начала XXI века бросают вызов двум основным парадигмам социологии – парадигме модерности и антимодерной парадигме постмодерности. Эта проблема требует решения, а именно – изменения парадигмального подхода. Я разрабатываю новую научно обоснованную парадигму постмодерна, которая получила название «мировой парадигмы» (МП; исп. *paradigma mundialista, PM*)¹. Эта интеллектуальная галактика включает в себе новую идею мирового общества, общемирового социального изменения и всемирной социологии. Ниже я представлю некоторые элементы этой парадигмы.

> Глобализация после COVID-19

Ключевые изменения латиноамериканской социологии стали реакцией на два разворачивающихся одновременно кризиса: 1) усугубля-

ющийся кризис неолиберализма; 2) зарождающийся кризис представления об обществе, присущего социологии и самим исторически существующим обществам. Первый кризис интенсифицировался во время глобального процесса *рецентрализации государства*; второй является результатом беспрецедентного *процесса духовной и интеллектуальной глобализации (mundiализации)*. Наблюдения за событиями в Латинской Америке показывают, что оба кризиса, как и обозначенные выше процессы усиления государства и глобализации, усугубились вследствие глобального финансового кризиса 2008 года, последней волны региональной интеграции Латинской Америки, инициированной снизу (2003–2015), и текущей пандемии COVID-19. Если кризис неолиберализма негативно влияет на антимодерную постмодерную парадигму и позитивно сказывается на парадигме модерна, то кризис представлений об обществе оказывает негативное воздействие на обе парадигмы, хотя в большей степени на модерную. Принимая во внимание новизну последней и потенциал социального детерминизма, я сосредоточусь на ее обсуждении.

Пандемия COVID-19 стала основным событием, породившим сверхускорение духовной и интеллектуальной глобализации, происходящей впервые в истории человечества. Глобализация включает по крайней мере три составляющих:

1) базовую идею об объединенном мировом обществе, интегрирующем тотальность национальных, региональных и глобальных сфер; 2) признание существования неравенства между нациями и регионами; 3) интуицию или предположение, что всемирное общество не является лишь современным или не находится «в процессе модернизации».

Процесс глобализации обнаруживает все большее истощение модерной и постмодерной парадигм понимания социума. Обе парадигмы исходят из следующей посылки, которая стала общим знанием: рамкой социологического знания является общество в его национальных границах. Имеется в виду не всякая идея общества, определенного национальными границами, а самодостаточное ограниченное видение национального общества, которое с начала первой промышленной революции в разных идеологических вариантах распространяется по Глобальному Северу, захватывая мировое пространство. Наиболее глубоко разработанные версии идеи национального общества принимают форму рефлексивного и всепроникающего универсализма, что способствует массовому распространению этого видения в академическом мире периферийных стран, помогая валоризировать исторически существовавшие формы общественной жизни на разных территориях. Таким образом, в основе модерной и постмодерной

“Пандемия COVID-19 стала основным событием, породившим сверхускорение духовной и интеллектуальной глобализации, происходящей впервые в истории человечества”

парадигм социологического знания лежат различные типы методологического, эпистемического и теоретического национализмов. Большинство современных западных теорий глобализации, разработанных социологами, ограничено именно этими концептуальными рамками.

Растущая неадекватность обеих парадигм очевидна не только в контексте двух упомянутых выше кризисов. Она была осмыслена в ходе исторического процесса реструктурирования социологии Латинской Америки и частично, начиная с 1980-х, – в мировой социологии. Реструктурирование связано с материальной разобщенностью между социологическими и внеаучными политическими практиками, а также интеллектуальной разобщенностью между научными, критическими и политическими механизмами, способствующими развитию социологической практики. Этот процесс размежевания усугубляет научную декомпозицию и политическую беспомощность мировой социологии, в то же время сокращая объем интеллектуальных ресурсов, доступных политическим акторам.

> Научный проект создания мировой парадигмы

Перед лицом такой ситуации левые и прогрессивно ориентированные социологии должны сохранить свое модерное ядро и в то же время выйти за его пределы, создав новую

мировую парадигму (МП). МП представляет социологию как локализованную и множественно локализованную социально-научную силу, ориентированную на трансформацию мирового общества. Такая парадигма предполагает развитие нового постмодернистского проекта науки, создание новой модели, связывающей воедино научное, критическое и политическое ядро социологической теории и исследований, а также изобретение нового механизма, опосредующего социологическую и политическую практику. Ниже я рассмотрю первый компонент МП – проект научного знания, который разворачивается на основе диалектических отношений между принципами глобализации, локализации и историзма². Принцип глобализации утверждает, что первичное основание общества является мировым, а не национальным феноменом. Эта предпосылка носит революционный характер, поскольку она подвергает инверсии пространственное уравнение, лежащее в основе социологий модерна и постмодерна антимодерна. Принцип глобализации позволяет выделить идею мирового общества как единицу высшего уровня анализа, которая проявляется во взаимодействиях между тремя системными уровнями: 1) отношениями неразрывно связанных между собой и не сводимых друг к другу национальной, региональной и глобальной сфер; 2) отношениями между центром и периферией; 3) отношениями между

модерными и немодерными формами общественного устройства.

Согласно принципу локализации, лежащему в основе новой социологической парадигмы, мировое общество представляет собой социальную формацию, пронизанную отношениями неравенства, которые локализованы множественным образом. Каждое место в пространстве мирового общества представляет собой прямую и непрямую конденсацию асимметричных взаимодействий между упомянутыми выше тремя сферами. Поскольку мировое общество не является продуктом единичной локализации, целостное видение этой социальной формации недоступно, как и целостное видение социальных изменений на мировом уровне. Именно поэтому общественные движения и программы структурных преобразований, которые мы должны разработать, требуют создания *мировой социологии* как пространства диалога для теорий мирового общества, созданных в различных исторических локальностях нашей планеты. ■

Адрес для связи:

Esteban Torres <esteban.torres@unc.edu.ar>

1. Более полное представление этой идеи см. здесь: Torres, E. (2021) *La gran transformación de la sociología*. Córdoba-Buenos Aires: FCS-CLACSO (в печати).

2. Здесь освещены только первые два принципа, поскольку они содержат наиболее значимый трансформирующий потенциал.

> Соединяя глобальную социологию с глобальной современностью

Жозе Маурисио Домингес, Институт социально-политических исследований, Государственный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия)

В Латинской Америке существует сильная традиция политической социологии. Можно сказать, что данное направление долгое время составляло ядро латиноамериканской социологии, хотя, несомненно, существуют и другие направления: важной является также тема культуры и некоторые более ранние разработки в области политэкономии. Политическая социология получила развитие и трансформировалась под влиянием североамериканской академии одновременно с возникновением политологии как академической дисциплины. Это отличает политическую социологию от социологии более раннего периода, в большей степени занятую осмыслением социальных проблем. В рамках политической социологии возникли важные теоретические идеи, которых – как обычно бывает в Латинской Америке – все-таки недостаточно для более общих теоретических заключений. Иными словами, обсуждаются и концептуализируются особенности развития политического измерения современности (*modernity*), но анализ ограничивается региональным уровнем.

> Отсутствие социальной теории

Примером такого положения вещей является выдвинутая Кихано марксистская концепция «резервной армии труда», объясняющая, каким образом избыточная рабочая сила Латинской Америки создает то, что исследователь назвал «полюсом маргинальности» (*marginal pole*). Кихано показал, как существовавшая в XIX веке в Европе проблема

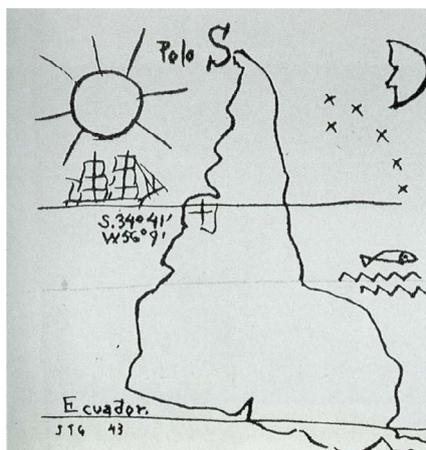

Рисунок *América Invertida* («Перевернутая Америка») выполнен уругвайско-испанским художником Хоакином Торресом Гарсия (1943). Перевернутый контур Латинской Америки символизирует силу и самодостаточность южноамериканского искусства. Лицензия Creative Commons.

избыточной рабочей силы получила разрешение в виде эмиграции. Но исследователь не продвинулся дальше в своих рассуждениях, за исключением некоторых пунктов критики отдельных марксистских идей. То же самое можно сказать об идеях Джермани, посвященных «популизму». Этот теоретик утверждает, что модернизация привела к появлению масс, которые не были инкорпорированы демократической политической системой и оказались «открытыми» для «манипуляции» со стороны оппортунистических элит. Такая дискуссия могла бы получить развитие в дальнейших обсуждениях европейской сцены, однако Джермани (бежавший из фашистской Италии в Аргентину) сначала ограничил свои рассуждения аргентинским контекстом, а затем вместе с другими коллегами распространил

свой аргумент на всю Латинскую Америку. Этим все и ограничилось. Тезис Пабло Гонзалеса Казановы и Родольфо Ставенхагена о «внутреннем колониализме», согласно которому современное постколониальное государство посягает на жизнь местных коренных сообществ, мог быть осмыслен как общая характеристика современного государства, которое во всем мире действует подобным образом. Латиноамериканские авторы, однако, не дерзнули выдвигать такие общие положения. Флорестан Фернандес даже отметил, что латиноамериканские социологи не могут себе позволить работать в области макросоциальной теории, так как у них нет специализированного персонала и ресурсов, а также потому, что перед ними стоят более насущные задачи.

Социология и социальные науки Латинской Америки в целом страдают от хронической нехватки теоретизации. Если это справедливо в глобальном масштабе, то на региональном уровне эта проблема усиливается другими ограничениями, сформировавшимися гораздо раньше. Проблема становится еще сложнее, когда мы обсуждаем отношения между теорией и эмпирической реальностью с фокусом на исследовательскую стратегию. Как действовать? Нужно ли начинать с изучения особенностей, а затем переходить на более общий уровень концептуализации? Или, напротив, надо начинать с общих теоретических проблем, которые характерны для континента и других регионов глобальной современности? Несколько десятилетий назад Леопольдо Зеа отметил следующий факт:

>>

европейцы и североамериканцы до недавнего времени принимали без сомнений универсальный характер своих концепций и не испытывали затруднений, обобщая выводы, сформулированные на основе изучения частного европейского опыта; исследователи же из Латинской Америки, напротив, начинали рассуждения со своей специфики и принципиально отрицали универсальный характер своего опыта и его теоретизации.

> Теория политической современности

Если в прошлом дело обстояло именно так, то сегодня такая позиция не имеет смысла. Хотя и есть расхождения в толковании модерна и его происхождения, никто сегодня не считает, что Запад является носителем универсальной современности. Есть авторы, которые говорят о колониальных и постколониальных версиях современности, множественных современностях, запутанных путях модернизации (*entangled modernities*) и не только. Кроме того, в Латинской Америке, как и везде, происходит накопление знания, в том числе теоретического, которое позволяет нам начинать рассуждения и исследование с самого высокого уровня абстракции. Это справедливо как для Латинской Америки, так и для Европы, Африки и Азии. Совершенно очевидно, что мы должны сохранять чуткость к контексту, но проблема заключается в том, что контекст должен быть глобальным. Несомненно, так и происходит, если мы не останавливаемся на непосредственном опыте рождения и воспитания в каком-то конкретном месте – такая стратегия в сфере социальных наук в любом случае неплодотворна.

На эти рассуждения и опираются мои социологические исследования. Исходя из традиций латиноамериканской социальной мысли и позиций своего рода «исторического материализма», я решил пересмотреть все дебаты о «структуре и действии», а также устойчивости и изменчивости в социальной жизни. Так я пришел к теории «коллективной субъективности» и «социальной креативности», которые включают представления об эволюции и истории. Я углубил свои знания об основных образах и институциональных элементах современности, а затем обратился к реальности Латинской Америки для анализа «третьей фазы модерности». Этот понятийный аппарат далее был распространен на обсуждение унитарной, гетерогенной и гибридной глобальной современности, распространяющейся по планете. В конце концов, я обратился к сфере, в которой, как мне сейчас представляется, стратегически сосредоточены наши цивилизационные и эмансипационные вопросы: к политическому измерению современности. Одновременно я решил, что пора применить для анализа политического измерения марксистский «метод экспозиции», который давно меня занимал. Такой ход предполагает масштабное исследование и систематическую организацию категорий, с помощью которых можно полностью описать политическую современность и выявить ее динамические тренды.

Это привело меня к разработке категориальной экспозиции политической современности в глобальном масштабе в рамках особой формы критической теории. Я пытаюсь встроить в свою теорию исторические тренды разных обществ, но важнее всего то, как они

встраиваются в аналитическую категориальную систему. Мой анализ рассматривает образы и институциональные контексты, а также механизмы, которые производят и объясняют эту динамику. Теоретический подход, который я развиваю, включает такие понятия, как форма гражданства, форма прав человека, закон, государство, автономизация, политические системы и политические режимы. В список категорий входят такие понятия, как воображаемая радикальная демократия, отношение между абстрактным и конкретным, ограничения либерализма. Добавьте к списку понятий идентификацию, анализ, объяснение и проектирование трендов, относящихся к усилению государства и росту политической автономии граждан. Не так давно объектом моего исследовательского интереса стал «реальный социализм», который я определил как «авторитарный коллективизм» – вполне оригинальную, хотя и несоциалистическую социальную формацию, паразитирующую на современности.

Некоторые материалы, излагающие описанный подход к современности, уже опубликованы. В настоящее время я работаю над обобщающим трудом, посвященным политической современности. Этот подход является частью глобального социологического анализа, который развивается в латиноамериканском контексте и тем не менее находится в русле универсалистских теоретических и аксиологических устремлений. ■

Адрес для связи: José Maurício Domingues
<jmdomingues@iesp.uerj.br>

> Историчность теории: идеи для Латинской Америки

Вивиан Брачет-Маркес, Мексиканский колледж (Мексика)

В период между 1819 и 1860 годами произошли крупнейшие территориальные изменения. На карте мира появилось восемь новых государств: Никарагуа, Коста-Рика, Сальвадор, Эквадор, Венесуэла, Боливия, Парагвай и Уругвай. Северные территории Мексики перешли во владение США. Лицензия Creative Commons.

В прошлом социальная теория, практикуемая в центральных странах (в отличие от периферии), имела статичный характер. Социальный порядок воспринимался как отсутствие широкомасштабного конфликта, а конфликт рассматривался как свидетельство отсутствия порядка. Социальная теория претендовала также на «научность», на основе гипотетически-дедуктивных заключений предсказывая существование стабильных социальных траекторий. Даже переживая опыт травматических изменений, вызванных промышленной революцией, отцы-основатели социологии описывали изменения как различия между пунктом отправления и другим фиксированным пунктом прибытия, оставляя за пределами внимания промежуточные процессы: все описывалось как континуум от *Gemeinschaft* до *Gesellschaft*.

В рамках этой общей модели страны Латинской Америки выглядят как несовершенные и незавершенные: они движутся по направлению либо от «традиционного общества» к «современности», либо от состояния «неразвитости» (меньшей развитости, статуса развивающейся страны) к состоянию, более близкому к «развито-

му». Исторический процесс «в промежутке» между этими состояниями был многократно описан, но, в целом, не стал предметом теоретической проработки¹. В результате создается впечатление, что почти два столетия со времени независимости Латинская Америка «развивается» неравномерно и несовершенно по причине воздействия мировых рыночных сил (империализма, колониализма) в условиях, когда население незначительного влияет на конструирование социального порядка.

> Историческое конструирование социальных порядков в Латинской Америке

Я предполагаю, что осмысление Латинской Америки как региона возможно лишь при условии следования принципу историчности. Для этого необходимо исходить из предпосылки, что социальный порядок в любом географическом пространстве является продуктом чрезвычайно сложных, исторически конструируемых, а не жестко детерминированных социальных процессов. Ключевой вопрос при анализе социальных порядков Латинской Америки, таким образом, заключается в осмыслении агентности (движущих сил) в отношении

к исторически созданным институтам. Далее перед теорией стоят следующие вопросы: 1) кто действует и для чьей выгоды (конкретные индивиды, максимизирующие выгоды, патриархальные семьи, местные сообщества или капиталисты, стремящиеся к прибыли); 2) каковы динамические принципы усиления власти (системные принципы, конкретные механизмы, действия агентов). Ответы на эти вопросы зависят от теоретической рамки, которая сможет представить девятнадцать стран Латинской Америки как систематически сравнимые случаи.

В этой краткой статье я могу лишь обозначить, как моя работа может способствовать ответу на эти вопросы². Теоретический аргумент может быть резюмирован следующим образом: *Латинская Америка исторически сформировалась как совокупность ограниченных в пространстве и времени социальных порядков, состоящих из смешанных и часто противоречивых комплексов правил, норм и символов, которые то становились гегемонными, то разрушались, не получая поддержки.* Иными словами, мы могли бы сказать, что конкретные результаты этого социального процесса были поочередно

институционализированы, деинституционализированы и реинституционализированы в результате столкновения с мощным международным процессом геополитической и рыночной конкуренции, проявляющемся во вторжении иностранных государств и мировых корпораций.

Если опираться на тезис, сформулированный выше, то история Латинской Америки после получения континентом независимости формировалась институциональными акторами, которые попеременно то вступали в конфликты, то сотрудничали друг с другом. Эти акторы стремились увеличить богатство, власть и могущество элит, тесно связанных с институтами, которые обладали гегемонией в различных пространственно-временных контекстах. Такая гегемония поддерживалась также способами, которыми субалтерные группы реагировали на события своей повседневной жизни и, в свою очередь, усиливали или модифицировали процессы. На диаграмме 1 эти исторические процессы представлены в абстрактной форме; их иллюстрируют эмпирические факты, соответствующие разным странам региона. Таким образом, можно обнаружить общие для различных стран исторические типы относительно стабильных социальных порядков. Согласно такому видению, ключевые институциональные акторы, а также люди, сообщества и организации каждый день строят социальный порядок, стараясь воспро-

изводить свою жизнь и осмысливать свой опыт. В Латинской Америке, как и в других местах, сложившиеся уклады в основном не были консенсусными или эгалитарными. Из-за мощного противодействия многие возможности прогрессивного изменения были упущены или заторможены. Но именно такова реальность, которую мы можем и должны теоретизировать и систематически исследовать, не обращаясь к европоцентристским мифам.

Чтобы эмпирически изучить этот общий процесс, необходимо проанализировать длительные отношения, складывающиеся между государствами и другими институциональными порядками, могущественными социальными группами, капиталистическими корпорациями и иностранными государствами (см. диаграмму 1). Чтобы добиться гегемонии, государства стремились доминировать на территории³, обладать финансовой платежеспособностью и защищать свой суверенитет. При этом они осуществляли власть над населением, извлекали свою долю накопления и шли на уступки более могущественным иностранным государствам.

Таковы условия, в которых государства Латинской Америки действуют наряду с другими социальными институтами. Нужно также отметить, что действия латиноамериканских государств определяются тем, что после

войны за независимость они оказались финансовыми должниками, а по могуществу и власти существенно уступали католической церкви, крупным собственникам *latifundio*⁴ и военным. Более того, им постоянно угрожало вмешательство экономически и технологически более развитых стран.

> **Заключение**

С этой точки зрения проблемы, которые стоят перед государствами Латинской Америки с 1810 г.⁵, существенно отличаются от тех, с которыми сталкивались ключевые европейские нации с 1500 г.⁶ При этом государства Латинской Америки по-прежнему сопоставляют с европейскими моделями, и в результате сравнения Латинская Америка выглядит анахронизмом. Развивая описанный выше подход, мы можем теоретизировать появление и падение социальных порядков в Латинской Америке не в терминах якобы универсальных принципов европоцентризма, но как сопоставимые и исторически изменчивые случаи исторической динамики, которые, начиная с 1820 года, создавались, преобразовывались и прерывали свое существование на огромной территории от Рио-Гранде⁷ до Огненной Земли. ■

Адрес для связи:
Viviane Brachet-Márquez <brachet@colmex.mx>

1. Исключение составляют теории зависимости и теория мировых систем, развиваемые такими авторами, как Кардозу и Фалетто, Валерштайн и Арриги, а также Бозеруп и Хиршман.
2. Книгу планируется завершить к июлю 2021 г. и опубликовать в 2022 г. на английском и испанском языках.
3. Веберовское представление о государствах как структурах, осуществляющих господство над территорией с помощью монополии на легитимное насилие, здесь рассматривается не как определение, а как исторически проблематизированный тезис.
4. *Latifundio* – крупная земельная собственность (исп.).
5. В мае 1810 года в Буэнос-Айресе и Мехико начались войны за независимость.
6. Сравнения ограничивались Великобританией, Францией и Пруссией, оставляя за пределами сопоставлений еще 24 европейских нации.
7. Город Рио-Гранде стал самой северной точкой Мексики после того, как в 1949 году США аннексировали более половины территории страны.

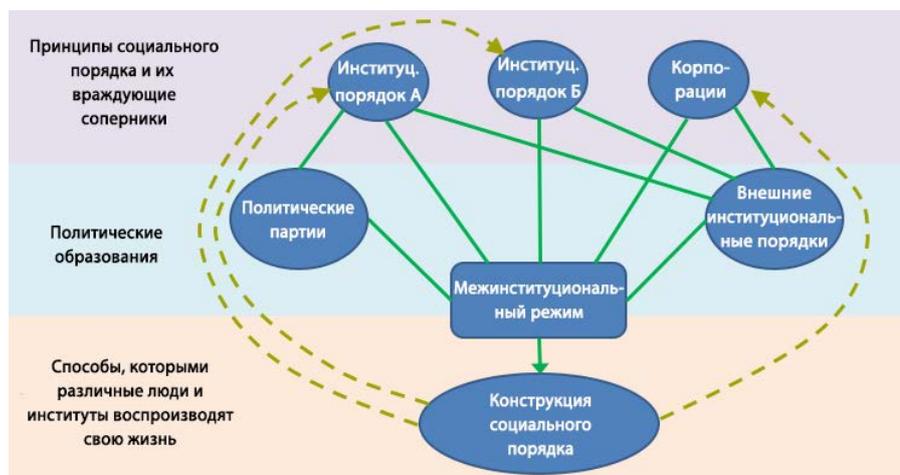

Диаграмма 1. Автор: Вивиан Брочет-Маркес.

> Переосмысливая взаимозависимости

Серджо Коста, Берлинский свободный университет (Германия)

Marcha das Margaridas («Марш ромашек») – демонстрация сельскохозяйственных работниц в г. Бразилиа, Бразилия. Август 2019 г. Фото: Рената К. Мотта (Свободный университет Берлина).

> Социология под давлением

С самого начала своего существования социология постоянно должна была доказывать, что ее результаты полезны и что она отличается от смежных дисциплин. Социология видит свое отличие в том, что она может исследовать социальные процессы, рассматривая контекст их происхождения и те значения, которые приписывают им акторы. Недавние социальные трансформации и развитие научного знания все больше ставят под сомнение способность социологии адекватно схватывать связь между структурами и значениями. Эти вызовы, стоящие перед социологическим знанием, я подробно рассматриваю в своей статье, опубликованной в сборнике *Postcoloniality-Decoloniality-Black Critique: Joints and Fissures* [Постколониальность – деколониальность – черная критика: точки стыковки и расхождения] (Campus, 2014).

Прежде всего, в рамках социологии мы видим склонность редуцировать дисциплину до исследований экономических структур (экономизм) или стремление изучать исключительно символическое измерение социальных процессов (культурализм). В обоих случаях центральный объект социологии, т.е. общество, в котором переплетаются структуры, значения и репрезентации, исчезает из поля зрения, что справедливо отмечают немецкие социологи Ханс-Георг Зёффнер (*Hans-Georg Soeffner*) и Карл Лихтблау (*Karl Lichtblau*). Разрываясь между тенденциями экономизации и культурализации, социология стоит перед проблемой анализа современного мира, который мало напоминает ту модель современного общества, которую представляли послевоенные социологи. Модерность в социологии соответствует миру, в котором порядок установлен четкими границами и держится на стабильных идентичностях: западное и незападное, женщина и

мужчина, национальное и иностранное, современное и традиционное; немец, турок, немецкий турок.

Второй ряд трансформаций связан с глобализацией социальных процессов и социальной жизни. У социологии все еще не хватает инструментов, необходимых для аналитического охвата мирового общества, которое представляет собой нечто большее, чем сумма национальных обществ. Более того, тот факт, что модерность уже не в такой степени, как прежде, формируется «западными державами», ставит перед социологическим знанием новые проблемы. Теоретики постколониализма убедительно показали, что западное господство вшито в социологическое понятие модерности. И все же это видение не позволяет осмыслить тот феномен, например, что романтизм XXI века возникает на пересечении Болливуда, Голливуда и латиноамериканских телесериалов или что развитие Латинской Америки может привести к тому, что она станет пери-

ферией по отношению к Китаю. Попытки анализа глобальных социальных процессов, предпринимаемые социологией, в основном заключаются в применении категорий национальных социологий к остальному неизученному миру. Таким образом, термин «общество» заменяется категорией «мировое общество», а модернизация – глобализацией. Новые понятия, однако, сохраняют ограниченно национальные черты, хотя последние проявляются в ином масштабе. В результате мы сталкиваемся с нехваткой истинно новых открытий и неспособностью социологии осмыслить взаимообусловленность структур и значений, выходящих за пределы национальных границ.

Третий принцип – взаимозависимость биологических видов. Сложившаяся на пике развития антропоцентризма, социология продолжает представлять человеческие общества как коллективы, которые попросту используют окружающую среду. Такое видение противоречит накопленным за последние тридцать лет результатам постчеловеческих исследований, которые выявили паутину взаимозависимости между человеческими существами и другими существами, такими как растения, животные, духи и артефакты. Поскольку социология анализирует общества в отделении от среды обитания и игнорирует паутины отношений, которые неразрывно связывают человеческие существа и другие формы жизни (например, вирусы и бактерии, живущие в наших телах, а также растения и животные, с которыми мы взаимодействуем и которые взаимодействуют между собой), она более не в состоянии осмыслить витальные (и летальные!) процессы, предполагающие взаимозависимость между биологическими видами. В своей статье *When Species and Data Meet* [Когда встречаются биологические виды и данные], опубликованной в 2020 году в журнале *Postdigital Science and Education*, Кэтрин Прайс проанализировала эти процессы в контексте пандемии COVID-19.

> Вклад Латинской Америки

В рамках социологической традиции Латинской Америки и различных теоретических подходов, развитых на континенте, разрабатываются новаторские идеи и соображения, которые могут помочь социологии ответить на вызовы.

Исследования, посвященные связям между структурами, социальными значениями и репрезентациями, проводятся в Латинской Америке начиная по крайней мере с 1950-х годов. Такие социальные ученые, как Родольфо Ставенхаген (*Rodolfo Stavenhagen*), Флорестан Фернандес (*Florestan Fernandes*) и Хелейет Саффиоти (*Heleieth Saffioti*), задолго до того, как термин «интерсекциональность» обогатил язык социальных наук, изучали, как этничность и класс, раса и класс, а также гендер и класс взаимодействуют друг с другом, создают социальные места, которые выражают позиции в социальных структурах, формы саморепрезентации и действия. Аргентинский социолог Элисабет Хелин реконструирует и обновляет эти дебаты (см. ее главу в сборнике *Global Entangled Inequalities. Conceptual Debates and Evidence from Latin America* [Глобальные сопряженные неравенства. Концептуальные дебаты и свидетельства из Латинской Америки] (Routledge, 2018).

В сфере исследования глобализации социальных процессов и социальной жизни сторонники теории развития справедливо подчеркивают нынешнюю сопряженность экономических структур и паттернов социальности в различных регионах мира, а также их историческое устройство при колониализме, рабстве и современном финансовом капитализме. Именно об этом я пишу в статье *The research on modernity in Latin America: Lineages and dilemmas* [Исследование модерности в Латинской Америке: генеалогии и дилеммы] (2019).

Хотя в рамках социологии крайне трудно изучать межвидовую взаимозависимость, Латинская Америка предлагает репертуар концептуальных ресурсов, которые в основном связаны с традициями мысли коренного населения. Некоторые идеи уже получили международное признание. Теория перспективизма, характерная для социальных представлений американских индейцев (*Amerindian perspectivism*), подробно исследуется в работах Эдуардо Вивейроса де Кастро, наряду с концепцией *buen vivir* («жить хорошо»), особенно популярной в регионе Анд. Эти течения мысли рассматривают взаимозависимость между человеческими и нечеловеческими существами в основном на описательно-аналитическом уровне, а также с нормативной точки зрения планетарной этики.

Эти традиции и теоретические репертуары отчетливо предлагают ряд возможностей, но не гарантируют, что латиноамериканская социология будет играть релевантную роль в необходимой реконструкции социологии и формировании дисциплины, открытой к исследованиям взаимозависимости на разных уровнях. Для участия в этой реконструкции социология Латинской Америки должна вернуться к рассмотрению традиций и перевести их на язык современных теоретических дебатов. Необходимо создать новые формы симметричной кооперации и коллаборации между производителями научного и вне-академического знания, а также между социологиями Глобального Юга и Севера. Качество и масштаб вклада Латинской Америки в реконструирование современной социологии зависит от таких альянсов. ■

Адрес для связи: Sérgio Costa
<sergio.costa@fu-berlin.de>

> Эпоха недосмотра: системная теория кризисов

Альдо Маскареньо, Центр публичных исследований, Чили

Фото: Li Lin (платформа Unsplash).

Последние пять лет я занимаюсь разработкой системной теории сложных (комплексных) социальных кризисов. Системная теория методически избегала понятия кризиса. Возможно, это связано с тем, что понятие кризиса остается постоянным объектом критики, начиная со времен Французской революции. А возможно, этот эффект вызван тем, что критическая теория всегда проводила различие между кризисом и критикой, объявляя последнюю единицей своей теоретической и политической практики. Поскольку Луман интерпретировал кризис как негативное самоопределение общества модерна, до самого недавнего времени механизм кризиса рассматривался как скрытый итог отношений между системой и окружающей ее средой. Лишь недавно стали появляться рассуждения о такой сюрреалистической возможности, как критическая системная теория. Это связано с тем, что двадцать первый век характеризуется комплексными социальными кризисами.

> Темная сторона современных обществ

В последние два десятилетия темная сторона современного общества

проявляет себя особенно драматично и качественно иным способом, чем в прежние десятилетия. События, которые мы традиционно называли кризисами, приобрели беспрецедентную жестокость, распространенность и периодичность в контексте социальной эволюции. Наступили времена суперкомплексных социальных кризисов, которые напоминают нам, что институты современного общества перегружены глобально связанными между собой многоуровневыми задачами и не могут не вызывать разочарование своим функционированием. Нет никакой загадки в том, что в эпоху глобальной современности каждый уголок мира сталкивается с опытом отчуждения и отстранения, поскольку населяющие его люди страдают от последствий того, что было сделано в другом месте. Я называю эти тревожные времена эпохой *недосмотра* (*age of neglect*).

На закате века мировых войн, Холокоста и надежд, связанных с подъемом прав человека, первым трагическим звонком этой новой постлокальной эпохи, пронизанной социальными сетями, стал Чернобыль. После него наступает тревожная эпоха недосмотра. Сначала мы

испытали потрясение, когда символы экспансии секьюритизированной современности были уничтожены обычными самолетами, перепрофилированными в орудия массового уничтожения. Падение Башен-близнецов в Нью-Йорке стало началом новой эпохи. Несколько раз в течение последнего двадцатилетия – в первые годы нового века – нас приводили в ужас террористические акты в Лондоне, Мадриде, Ницце, Париже, Бостоне, а также нарушения прав человека и массовые убийства на Ближнем Востоке, в Африке, Азии и Латинской Америке. Укрыться нигде! Лишь домашнее пространство казалось относительно безопасным местом. Однако финансовый кризис 2008 года, рост последствий изменения климата, экспансия религиозного фундаментализма и транс-идеологический агрессивный ксенофобный популизм научили нас, что даже дом может стать объектом недосмотра.

Финансовый кризис 2008 года стал системным коллапсом сетевой эпохи безнадзорности: слишком много взаимосвязанности, слишком высокая степень структурной гомогенности сделали мир слишком узким и быстро изменяющимся, чтобы можно было заметить новые,

>>

“В эпоху глобальной современности каждый уголок мира сталкивается с опытом отчуждения и отстранения, поскольку населяющие его люди страдают от последствий того, что было сделано в другом месте. Я называю эти тревожные времена эпохой недосмотра”

более трансвременные нормативные проблемы. Внезапные и все более агрессивные изменения климата в разных частях света продемонстрировали взаимосвязанность всех систем *космического корабля Земля*, поднимая вопрос, являются ли международные соглашения об устойчивости лишь признаками благих политических намерений или за этими документами стоят нормативные обязательства. С другой стороны, территориальный и содержательный рост разных видов религиозного фундаментализма, связанных с центрами западной жизни, выявил ограничения традиционного пограничного контроля. Эти феномены выдвинули на передний план малые разрывы мотивационного дискурса прав человека, особенно среди молодого, постматериалистического, разочарованного поколения. Популизм разного вида, от классического левого варианта режима Чавеса-Мадуро до правых проектов, которые продвигают такие лидеры, как Лепен, Трамп и Болсонару, эксплуатирует нормативные бреши сетевой эпохи недосмотра и запускает националистические ксенофобные дискурсы, нацеленные на разъединение и изоляцию от того, что называется внешним влиянием и экзогенными требованиями.

> Теория критических транзитов

Возможно, историки будущего будут считать 2011 год годом первых проявлений нового нормативного сознания, характерного для модерна XXI века. Конечно, и до этого появлялись предупреждающие сигналы, такие как «цветные революции» в странах

бывшего Советского Союза, начавшиеся в 2000 году в Югославии, и возмущения на окраинах Парижа в 2005 году. Но 2011 стал годом динамической волны общественных движений, реагирующих на мировую безнадзорность. Движения *Ocupy Wall Street* и *Indignados*, взрывы возмущения в Центральной Европе и Латинской Америке и, конечно, «арабская весна» стали децентрализованным выражением того, что ситуация вышла из-под контроля. В последние годы массовые миграции из стран Ближнего Востока в Европу и из Центральной Америки в США, исход населения из таких потерпевших крах государств, как Гаити и Венесуэла, в разные страны Латинской Америки стали проявлением нормативного выгорания. Короче говоря, мотивация людей не ограничивается лишь выживанием, но заключается в реализации нормативных ожиданий, которые были сформированы и обещаны обществом модерна, а затем забыты по недосмотру.

Мне представляется, что теория социальных систем обладает рядом преимуществ для анализа описанных выше сложных событий. Прежде всего, она подчеркивает возникновение автономных мировых систем, контроль над которыми не в состоянии обеспечить человек и национальные регуляторы. Во-вторых, теория показывает, что автономные системы порождают высокую степень взаимозависимости друг от друга, а сочетание автономии и взаимозависимости приводит к росту (а не сокращению) конфликтов и противоречий. В-третьих, теория проясняет, что системы

функционируют в транснациональном масштабе, так что целые регионы могут потерпеть крах из-за собственной слепоты или недосмотра со стороны других регионов, находящихся от них на огромных расстояниях. В-четвертых, системная теория предупреждает, что при сегодняшних условиях высокой степени сложности и риска мы вынуждены жить, примиряясь с парадоксами, а перспективы разрешения существующих противоречий крайне неопределенны.

В своей работе я разрабатываю перспективу видения кризисов сложных социальных систем – кризисов, которые разразились в последние десятилетия. Новый подход поможет выявить причины мощности этих кризисов, их распространенности и периодичности. Для этого я предлагаю заменить термин *кризис* понятием *критического перехода*, которое позволяет свести воедино некоторые результаты недавних эмпирических исследований, проведенных в рамках теории сложности (экология, физика, теория графов), которые обычно остаются за пределами социологического знания. Создавая *теорию критического перехода* как подтеорию системного подхода, я предлагаю осмысление нового типа комплексности. Она выражается в воспроизводящихся неконтролируемых, зашкаливающих по масштабам и последствиям кризисах эпохи недосмотра. ■

Адрес для связи: Aldo Mascareño
<amascareno@cepchile.cl>

> Изучение неолиберализма в Латинской Америке¹

Вероника Гаго, Университет Буэнос-Айреса, Национальный университет им. генерала Сан-Мартина, Национальный научно-технический исследовательский совет – CONICET (Аргентина)

В своей книге *Neoliberalism from Below: Baroque Economies and Popular Pragmatics*² [Низовой неолиберализм: барочные экономики и популярная прагматика] я анализирую понятие неолиберализма, его историзацию в нашем регионе, разбираю теоретические дебаты и прослеживаю генеалогию, основанную на изучении общественной борьбы. Цель книги – бросить вызов представлению о том, что неолиберализм синонимичен рынку и является противоположностью государственной интервенции. В этой дискуссии также анализируется сценарий пост-неолиберализма в Латинской Америке.

> «Низовой неолиберализм»

Я стремлюсь уйти от определения неолиберализма как структурного планирования и совокупности политических мер и программ, запускаемых правительствами. Я развиваю понятие «низового неолиберализма», которое охватывает массовые попытки сопротивления неолиберальным практикам изъятия собственности. Такой подход проблематизирует тотализирующие толкования неолиберализма и те толкования, которые интерпретируют его исключительно как очевидное поражение субалтерных субъективностей.

Напротив, меня интересует множество изменений, в которых проявляется преемственность и прерывность неолиберализма; я стремлюсь вскрыть более глубокую логику, нежели та, которая

находит выражение в политической системе. Я изучаю конкретное функционирование низового неолиберализма, обращаясь к феномену «барочных экономик». Этот термин описывает смешение временных параметров и логик действия, активно производимых насыщенных пространств и народных инициатив. Я использую этот термин для обозначения политического устройства различных форм народной экономики, действующих как пространства борьбы, в ходе которой «неолиберальный разум» (предполагаемая норма чисто меркантильного расчета) осваивается, разрушается, трансформируется и вновь запускается теми, кто часто считается простыми жертвами такой логики.

Борьба против неолиберализма и внутри него – это борьба против изъятия собственности и использования финансовых аппаратов как для этой цели, так и в качестве новой формы извлечения стоимости. Эти практики проявляют гетерогенную и неопределенную природу, в них сочетаются подчинение и автономия в истолковании и присвоении неолиберальных условий человеческого существования.

Если мы согласимся с тем, что неолиберализм является ответом на определенные циклы борьбы и, в свою очередь, оказывает влияние на масштаб насилия, вопрос можно сформулировать следующим образом: как определить устойчивые и изменчивые формы неолиберализма и *одновременно* сопротивляться

представлению, что неолиберализм может покончить со всеми противоречиями, приравняв жизнь к капиталу? Иными словами: какие антагонистические противоречия составляют суть неолиберализма и какие конфликты вызывают его мутацию?

> Феминистский подход к неолиберализму

В настоящее время я продолжаю исследовать феминистские интерпретации неолиберализма. При этом я обращаюсь к двум своим недавним публикациям: *A Feminist Reading of Debt* [Феминистское прочтение долга] (в соавторстве с Люси Кавальеро)³ и *La potencia feminista. O el deseo de cambiarlo todo*⁴ [Феминистская сила, или желание все изменить]. Анализ неолиберализма является центральной темой разных направлений современного феминизма. Почему я обращаюсь к феминистским трактовкам? Во-первых, в этих работах представлены конкретные интерпретативные ключи исследования конфликтов, которые до сих пор не являлись предметом внимания, а также их относительная картография. Во-вторых, феминистские подходы подвергают критике способы транслирования и управления конфликтами неолиберализма с помощью политики мультикультурализма или субординированной инклюзии, которые лишь снижают накал борьбы. Наконец, эти подходы позволяют представить диагноз консервативной реакции на транснациональное лицо феминизма, в особенности, в контексте Латинской

>>

“Отношения между патриархатом и капитализмом изменились так, что эти системы власти еще в большей степени эксплуатируют глобальные ресурсы воспроизводства. Почему неолиберализм мутирует именно таким образом?”

Америки.

Такая перспектива позволяет предложить своеобразную интерпретацию неолиберального насилия. Оно выражается в программах структурного приспособления и способах укоренения эксплуатации в производстве субъективностей, которые принуждаются к прекарному существованию и при этом борются за улучшение позиций в структурных условиях изъятия собственности.

Я исследую четыре сцены насилия: 1) взрыв домашнего насилия как эффект кризиса фигуры мужчины-кормильца и утраты им привилегированной роли, определяемой позицией на рынке труда; 2) организация новых форм насилия как принцип власти в соседских сообществах, массово вовлеченных в нелегальную экономику, которая замещает другие способы обеспечения ресурсами; 3) изъятие и загрязнение транснациональными корпорациями общей земли и других ресурсов, что сопряжено с упадком материальной автономии других способов хозяйствования; 4) проявление форм эксплуатации и извлечения прибыли, объединенных общим кодом финансиализации социальной жизни с помощью аппарата долга.

Анализ сочетания неолиберализма и добычи ресурсов – ключевое условие для понимания имперского измерения неолиберализма (что далеко не всегда подчеркивается евроатлантическими теориями) и выявления источника современного насилия.

Многие феминистские ученые полагают, что отношения между патриархатом и капитализмом изменились так, что эти системы власти еще в большей степени эксплуатируют глобальные ресурсы воспроизводства. Возникает вопрос: почему неолиберализм мутирует именно таким образом?

> Финансовый экстрактивизм

В настоящее время я изучаю, каким образом финансиализация создает новые способы (ре)организации производства и воспроизводства. Чтобы осмыслить, как долговые обязательства способствуют извлечению прибыли из домашней экономики, экономики неоплачиваемого труда и исторически сложившихся непродуцируемых экономик Латинской Америки, мы должны рассмотреть финансовые аппараты как истинные механизмы извлечения прибыли и морализации невыполненных гендерных обязательств – т.е. рассмотреть вполне определенное соотношение между воспроизводством и производством. Мы анализируем усугубление долговых обязательств и их влияние на колонизацию повседневного воспроизводства. Такая колонизация повседневности опирается на гендерные обязательства и одновременно является реакцией на потребность в большей экономической автономии, за которую выступает женщины и трансгендерные персоны, вовлеченные в феминистское движение (Cavallero & Gago, 2020). Финансы, которые управляются технически сложными средствами и имеют по-

вседневное значение, должны интерпретироваться как проявление логики капитала, ориентированного на извлечение прибыли и создающего систему, которую мы называем «финансовым экстрактивизмом» (безудержным извлечением прибыли).

Я полагаю, что логика финансового экстрактивизма помогает объяснить, почему коллективная субъективация сегодняшних феминистских выступлений в самых различных формах (массовой, индигенной, диссидентской, квир- и черного феминизма) в разных локальностях и сочетаниях является ключевым компонентом борьбы против безграничной способности к мутации, которую демонстрирует неолиберализм, продвигая незавершенную утопию финансиализации. ■

Адрес для связи: Verónica Gago
<verogago76@gmail.com>

1. Перевод на англ. Лиз Мейсон-Диз.
2. Первоначально опубликовано в Аргентине в 2014 г. издательством *Tinta Limón* и в 2015 г. в Испании издательством *Traficantes de Sueños*; в США в 2017 г. издательством *Duke University Press* (перевод Лиз Мейсон-Диз); в Боливии в 2018 г. издательством *Autodeterminación Editorial*; в Бразилии – издательством *Editora Elefante* (пер. Игоря Переса); во Франции в 2020 г. издательством *Raisons D'Agir* (перевод Милы Иванович).
3. Опубликовано в Аргентине в 2019 г. Фондом Розы Люксембург; на итальянском языке - в 2020 г. издательством *Ombre Corte* (пер. Николаса Мартино); на английском языке в 2021 году издательством *Pluto Press* (пер. Лиз Мейсон-Диз).
4. Опубликовано в 2018 г. в Аргентине издательством *Tinta Limón*; в Бразилии в 2020 г. издательством *Editora Elefante* (пер. Игоря Переса); в Перу издательством *La Sinistra*; в Мексике издательством *Pez en el Árbol*; на английском языке в 2020 г. издательством Verso под заглавием *Feminist International* [Феминистский интернационал] (пер. Лиз Мейсон-Диз).

> Развитие

постлиберальной грамматики

Кармен Илисарбе, Папский католический университет Перу

Митинг, известный как Marcha de los Cuatro Suyos («Марш четырех суйо» – четырех регионов империи инков), символизировал завершение эпохи правления Альберто Фухимори. В 2000 году тысячи граждан на улицах Перу протестовали против фальсификации выборов и требовали демократических перемен. Лицензия Creative Commons.

На данный момент важнейшим политическим феноменом XXI века является видимый всем упадок, разочарование, а может быть, даже коллапс либерального понимания репрезентативной демократии. Хотя кризис легитимности политических партий происходит во многих уголках мира, дело не только в этом. Сама идея представительства как надежного политического механизма находится в кризисе, и, возможно, это необратимо. При этом понятие представительства лежит в основании институционального замысла всех современных демократий, а формулировку этого принципа можно найти в самых ранних теориях современного государства. Так, по крайней мере со времен Томаса Гоббса мы принимаем идею, что власть можно

делегировать и при этом сохранять. Идея представительства, предполагающая, что те, кто реально не участвует в процессе принятия решений, все же участвует в них посредством голосования и гласности, лежит в основе развития современных демократических государств. Я писала ранее, что эта фикция разрушена, что в кризисе находится самая идея репрезентации, а не только приводящие ее в действие ключевые институты и процедуры.

> Исследовательская программа изучения коллапса политики репрезентации

В ответ на упадок институциональных политических форм опосредования и в свете очевидной разобщенности между правящей

элитой и управляемым народом возникают новые формы политического самоуправления, которые оставляют в стороне политические партии и их повестку, а также институциональные каналы, предусмотренные существующей системой политической репрезентации. Тем не менее поле политики не стало ареной запустения. Мы обсуждаем процессы средней длительности, которые, впрочем, могут тянуться десятилетиями, включают реполитизацию общества и новое создание народного суверенитета. Как показывает история Чили, последний иногда трансформируется в конституированную власть.

В этом контексте плюрализм форм народного суверенитета может интерпретироваться как

симптом важных изменений в понимании и современном конструировании политического. Таким образом, стоит задаться следующим вопросом: что произойдет, когда посредничество перестанет работать, когда механизмы представительства более не будут функционировать должным образом? Что произойдет, когда идея представительства полностью разрушится? Моя исследовательская программа на ближайшие годы сосредоточена на изучении двух динамических механизмов, связанных с этим процессом. Во-первых, я изучаю изменения политических систем, вызванные отсутствием или упадком формальных институтов политической репрезентации. Во-вторых, предметом исследования являются новые формы саморепрезентации и новые политические субъекты, готовые взаимодействовать с государством.

Что касается первого направления исследования, то я считаю особенно перспективным изучение наметившихся форм контрдемократии. Новое возрождение авторитаризма, фашизма и даже тоталитарных правительств наблюдается в последние годы как в странах, где представительная демократия исторически развивалась с очевидными трудностями (напр., Бразилия), так и в странах с устойчивыми демократическими традициями (США). Аналогичным образом ан-

тидемократические практики правления, нарушающие фундаментальные права уязвимых категорий населения, развиваются в таких странах, как Перу, Колумбия или Чили, а также Боливия и Эквадор, предпринимающие серьезные усилия для утверждения репрезентативной демократии. Как объяснить парадокс контрдемократических правительств, которые побеждают на выборах, и какие последствия это имеет для будущего демократии? Какие институциональные формы и механизмы обеспечивают сегодня авторитарное правление? Какие типы реакций и ответов возникают в контексте авторитарного господства? Каковы современные концептуальные и теоретические основания критического анализа контрдемократической практики?

Что касается второго направления исследований, я хотела бы изучить, какие формы принимает возрождающаяся сегодня идея народного суверенитета. На Севере и Юге, Востоке и Западе мы все чаще наблюдаем сильную массовую мобилизацию, возникающую в ответ на экономический кризис и нехватку средств политической репрезентации. Эти формы народного волеизъявления выходят за пределы установленных каналов выражения несогласия и недовольства, исчерпавших свою привлекательность. Новые модели массовой мобилизации открывают пространство

для нового выражения низовой политической энергии и низовых проектов. Каковы черты этих форм народного суверенитета? Являются ли они формами конституирования политических субъектов? Каковы возможности демократической политики в таком контексте? Насколько и как эти процессы способствуют артикуляции антидемократической политики?

> За пределами либеральной грамматики

Цель моей программы исследований – выявить динамику отношений в системе «государство-общество», обнаружить новые формы социального договора и преодолеть гегемонную концептуальную рамку либеральной демократической теории. Тематически этот замысел предусматривает критику теорий демократии и демократизации, дистанцирование от теории социальных движений для того, чтобы лучше объяснить потенциал новых форм социально-политического выражения и участия. Работа также предполагает развитие новых подходов, выходящих за пределы либеральной грамматики, которые помогут более адекватно интерпретировать текущие процессы политических изменений. ■

Адрес для связи: Carmen Ilizarbe
<cilizarbe@pucp.pe>

> Шкалы, неравенства и элиты Латинской Америки

Мариана Эредиа, Национальный университет им. генерала Сан-Мартина, Национальный научно-технический исследовательский совет – CONICET (Аргентина)

Аргентинская олигархия XX века.

> Растущее внимание и устаревшая дискуссия

В Латинской Америке показатели бедности устойчиво высоки или растут, огромные богатства аккумулируются в руках немногих, а новое политическое руководство вызывает институциональную напряженность. На этом фоне внимание ученых и общественности вновь привлекли элиты. Теперь они являются объектом различных или даже противоположных критических суждений: одни обвиняют их в корпоративной жадности, другие – в политической глупости.

Эта волна критики не сопровождается научными инновациями в исследованиях элиты. Представляя обзор современной литературы по вопросу, Шамус Хан предупреждает, что эти теоретические дебаты пользуются устаревшим категориальным аппаратом. Первое препятствие для обновления подхода к элитам заключается в наборе используемых терминов, которые отсылают к разным традициям.

Элита, высший класс, правящий класс, буржуазия, богачи, привилегированные группы – все эти термины используются как синонимы, как будто все они выражают одну и ту же мысль. Второе препятствие заключается в расколе между социальными науками и их методологическими основаниями.

Анализируя элиты, многие ученые и наблюдатели выделяют черты, которые этим группам приписываются с конца XVIII века: амбициозность и безнравственность богатых и могущественных людей, наследование отпрысками привилегированной позиции (но не добродетелей) родителей, замкнутость круга избранных. Короче говоря, в условиях беспрецедентного неравенства исследователи по-прежнему привержены этим устоявшимся характеристикам элиты, противопоставляя элиту простому народу. При такой интерпретации трудящиеся классы оказываются исторически чувствительными. Они рассматриваются либо как движущая сила основных трансформаций, либо как те, кто

находится под влиянием последних. Однако воспроизводство капитала и власти, как и конкретные персоны, вовлеченные в эти процессы, оказывают сопротивление изменениям.

> Латиноамериканские реалии

Социальная теория – особенно латиноамериканская – стремится осмыслить неравенства, характерные для региона, обращая внимание на их масштаб и выявляя связи между элитами и местными обществами. Реалии Латинской Америки стали вызовом для критической теории. С колониальных времен регион играет подчиненную роль, и его стратегические ресурсы остаются в руках иностранцев и потомков выходцев из Европы. Национальный масштаб никогда не был достаточен для понимания социальной пирамиды Латинской Америки. В то же время большинство стран региона всегда экономически опирались на экспорт сырья не в меньшей степени, чем на прибавочную стоимость, произведенную местными рабочими.

Перед лицом сильного иностранного влияния латиноамериканские элиты активно адаптировались к проблемам своего времени. Сначала появились так называемые олигархи, которые установили на национальных территориях неокOLONиальный порядок, поставили на колени коренное население, установили тесные взаимоотношения с европейскими эмиссарами и построили политические системы, препятствующие массовому участию. Позднее в самых крупных странах региона появилась национальная буржуазия. При поддержке националистических движений и милитаристских режимов буржуазия стала ассоциироваться с урбанизацией и промышленным прогрессом, массовым наймом рабочей силы и политиками, ориентированными на подъем национального производства и потребления.

По сравнению с этой традицией современная концептуализация богатых слоев общества носит более ограниченный характер. Пикетти и Оксфам обращают внимание на усугубляющееся неравенство и подчеркивают роль налогов как новаторского инструмента распределения доходов. Другие исследователи утверждают, что на современном этапе капитал стремится к большей ликвидности и детерриторируется. Однако, во всяком случае, в Латинской Америке, где статистические данные не особенно надежны, категория «богатых» оказывается гетерогенной и при этом осмысливается крайне неудовлетворительной теорией, основанной лишь на осуждении роскоши. Богатые – это пестрый винегрет, который включает потомственных богачей и нуворишей, ликвидные и неликвидные активы; богатство может зависеть от труда или от иных ресурсов; богачи могут проживать в регионе или накапливать свои состояния за рубежом. Таким образом, если цель заключается в том, чтобы сократить неравенство, нужно развивать разные подходы к анализу богатства в таких странах, как Сальвадор и Франция. Огромная часть латиноамериканского богатства сосредоточена не в руках латиноамериканцев и находится за пределами этого региона.

> Как преодолеть бедность концептуализации «богачей»

Более точному видению латиноамериканской элиты могут способствовать три принципа: спецификация неравенства, масштаб рассмотрения неравенства и типология ресурсов, доступных привилегированным.

Прежде всего, экономическое неравенство ассоциируется со способностью запустить или остановить крупный инвестиционный проект, оказывающий воздействие на природу и общество. В настоящее время действия крупных институциональных инвесторов и основных международных компаний, господствующих в регионе, заставляют рассматривать неравенство в контексте глобализации. Поскольку капитал становится все более ликвидным и деперсонализированным, экономические элиты теперь состоят не только из собственников средств производства, крупных работодателей и местных зажиточных людей. В состав современной экономической элиты входит значительное число управленцев и специалистов по финансам, праву и технологиям. Все эти люди действуют на различных территориях и включены в управление капиталом.

Самое очевидное социальное неравенство, напротив, заключается в преимущественном доступе представителей элиты к жилью, образованию, здравоохранению, культурным объектам, а в особенности – к социальным отношениям. Доступ к этим благам не обязательно развивается прямо пропорционально обогащению. Когда государство снимает с себя обязательства универсального обеспечения доступа к качественным услугам, а права становятся объектом торговли, совсем не важно, о какой группе элиты идет речь: об успешных профессионалах, госслужащих высокого ранга или владельцах среднего и крупного бизнеса. Важно, что эти социальные элиты обладают возможностями, которые недоступны большинству их сограждан.

В конечном итоге, политическое равенство зависит от способности людей к мобилизации, наличия поддержки и способности повлиять на

ситуацию. Сегодня экономическая глобализация и децентрализация разрушает институциональные ресурсы политического представительства, а многими политиками целиком движет экономический интерес. Усиливаются различия и выдвигаются основанные на идентичности требования; правительства вынуждены искать капитал за рубежом и заключать союзы с капризными и оппортунистическими местными лидерами.

> Фракции и имплицитные иерархии

Необходимо различать экономические, социальные и политические элиты, а также выявлять связи между ними. Майкл Манн проводит различие между «социально-пространственными сетями власти-авторитета», на которые рассчитывают группы и институты с ограниченными временем пребывания в должности, и аморфной властью, которая спонтанно расширяется с помощью децентрализованных практик, у которых нет определенного ядра или прямого управления. Если легитимная власть лидера является иллюстрацией первого типа власти (власть над кем-то или чем-то), то дисциплина рынка или инерция обычаев является примером второго типа власти (власть кого-то). Такое различие напоминает модель Альберта Хиршмана. Стратегия «выхода» выражается в том, что глобализованные рынки укрепляют возможность бизнесменов отказываться от неприбыльных территорий. Стратегия «голоса» состоит в том, что различные акторы выражают свой протест, выходя на улице и публикуя записи в социальных сетях. При этом послушание и лояльность, которых требуют власти и публичная политика, подвергаются эрозии.

Анализ богатства и власти совершенно необходим для снижения уровня неравенства. Однако манящий магнетизм богатства и власти распространяется параллельно их уничтожающей критике. Именно этот эффект представляет угрозу для социального сосуществования и препятствует любому прогрессу. ■

Адрес для связи: Mariana Heredia
<mariana.heredia@conicet.gov.ar>

> Первоначальное накопление и критика права

Гильерме Лейте Гонсалвес, Университет штата Рио-де-Жанейро, Бразилия

Часть настенной росписи Диего Риверы (1929–1945), изображающей испанское завоевание Мексики. Национальный дворец Мехико.

Каким образом соотносятся право и развитие капитализма? На этот вопрос часто отвечают, обращаясь к нормативной модели, основанной на признании напряженных отношений между капитализмом и демократией. На основании этого тезиса развиваются два взгляда. Во-первых, доступные мотивационные ресурсы рассматриваются как недостаточные для легитимации государственного вмешательства в современный капитализм. Во-вторых, право представляется как механизм, ограничивающий накопление капитала и власти в том случае, когда появляется некоторое количество стратегических акторов,

которые объединены этим интересом. Оба эти положения опираются на нормативные принципы концепции Юргена Хабермаса.

Цель этой теоретической модели заключается в осмыслении права и демократии как набора принципов, независимых от различных контекстов, как будто демократические и правовые дискурсы могут быть отделены от материальных интересов, которые участвуют в их формировании. Эта модель не признает право как составную часть дивергентного настоящего и тем самым оставляет без внимания правовые установления, которые делают возможной

связь между накоплением и легитимностью. Это становится еще яснее, когда мы обнаруживаем, что прогноз в отношении *проблем легитимности позднего капитализма* все еще не сформулирован. Неoliberalизм мобилизует новые мотивационные ресурсы; при этом финансовый капитализм и его акторы, продвигающие рекоммодификацию, получают возможность применить правовые механизмы легитимации к спекулятивным трендам.

> Правовая форма

В отличие от нормативной модели отношения капитализма и демо-

кратии, критические исследования правовой формы (например, развиваемые Евгением Пашуканисом) предлагают анализировать право в рамках марксистской теории стоимости. Исходная идея этого подхода заключается в том, что в капиталистическом обществе социальный характер труда определяет форму стоимости. Вследствие этого конкретный труд переводится в абстрактный труд, а его продукт становится предметом обмена, стоимостная форма которого трансформируется в необходимое условие социального порядка. Обмен создает абстрактное равенство различных типов конкретного труда на основании расчетов средних социальных затрат на труд и таким образом делает возможным самовоспроизводство социального неравенства. Поскольку форма стоимости определяет восприятие и диктует поведение, она приобретает фетишизированный характер.

В результате закон в капиталистических обществах рассматривается как социальная форма, которая активизируется соответствующей формой стоимости. Право участвует в процессе абстрагирования неравных производителей продуктов конкретного труда с помощью принципа эквивалентного обмена, который является необходимым условием товарного обмена (т.е. «обмена эквивалента на эквивалент»). Правовыми инструментами товарного обмена являются конституционные принципы свободы и равенства, а также наличие «субъекта права». В самом деле, эти инструменты создают абстрактное равенство субъектов, которые могут свободно заниматься обменом эквивалентных товаров и продвигать свои частные интересы, воспроизводя отношения неравенства. По этой причине правовые демократические институты представляют собой одну из социальных форм, которая позволяет рыночным отношениям и обмену приобретать объективированные и фетишизированные формы; для этой цели они также самофетишизируются.

> Первоначальное накопление

Критика правовой формы позволяет выделить объясняющую переменную, которая помогает анализиро-

вать место закона в (ре)стабилизации механизмов капиталистического накопления. Однако этот подход не способствует анализу процесса ревитализации накопления и его влияния на стремление к постоянному экономическому росту. Необходимо обратиться к понятию первоначального накопления. Марксистская теория первоначального накопления утверждает, что капиталистическое общество является динамичным, а капиталистическое развитие представляет собой постоянный процесс роста и преодоления границ накопления. Этот процесс реализуется механизмами коммодификации прежде некоммутицированных пространств. Такие механизмы вызывает к работе невозможность реализации всей прибавочной стоимости в месте ее производства, а также давление сверхнакопления, требующее экспроприации некоммутицированного пространства с целью получения всей прибавочной стоимости и амортизации вложений.

Таким образом, развитие капитализма основано на динамике экспроприации, которая постоянно активизирует механизм первоначального накопления и сопровождающие его «вопиющие акты насилия». Эти акты необходимо рассматривать как формы прямого насилия (в случае захвата, ограбления или убийства), которые при развитии капитализма применяются не просто в исключительных случаях, а довольно часто.

Теоретически, понятия первоначального накопления и экспроприации демонстрируют, что право при капитализме функционирует не просто в качестве фетишизированной социальной формы. На самом деле, оно обладает другим свойством. Но как описать это свойство? Какой тип насилия оно воплощает? Существует ли правовое устройство, которое делает возможным капиталистическую экспроприацию?

> Правовое насилие в условиях первоначального накопления

По сравнению с критической теорией права дебат о первоначальном накоплении больше внимания уделяет кризисным периодам. В эти периоды рост капитала обеспечивается силами, которые, согласно Дэвиду

Харви, принуждают к пространственно-временным приспособлениям, допуская (ре)коммодификацию и таким образом высвобождая поток капитала от сдерживающих его ограничений. Кризис интервенции вызывает потребность капитала в реструктурировании пространственно-временного горизонта и создании благоприятной среды для инвестиций. Эти процессы обеспечиваются различными правовыми структурами: рекомендательными нормами, уголовным правом, узаконенным изъятием собственности, полицейским насилием и пр. В ходе этих процессов устанавливается сложная динамика институтов, которые способствуют созданию среды, легитимизирующей (ре)коммодификацию и использование силовых методов экспроприации собственности определенных социальных групп.

Как утверждает Клаус Дёрре, современный двойственный экономико-экологический кризис позволяет поставить диагноз происходящему на основе теории накопления. Согласно этому диагнозу экономико-экологический кризис понимается как фактор, дестабилизирующий отношения между экономическим ростом, благополучием и демократией. Соотношение правового и социального порядков зависит от экспансионистского накопления, запущенного кризисами. Анализ накопления возможен в рамках критической социологии права, которая преодолевает ограниченность нормативной модели Хабермаса. С одной стороны, изучение первоначального накопления демонстрирует, что развитие капитализма связано не только с механизмом эксплуатации, основанной на принципе так называемого эквивалентного обмена, но также на вторичной эксплуатации. Вторичная эксплуатация способствует накоплению, используя механизмы расовой дискриминации, неоплачиваемый труд женщин и сверхэксплуатацию рабочей силы мигрантов. Таким образом, задача исследователей заключается в том, чтобы выяснить, какие правовые модели (социальное законодательство, действия полиции и т. д.) делают возможным эту вторичную эксплуатацию. ■

> Представляем польскую команду «Глобального диалога»

| Якуб Барцевский

| Александра Бернацкая

| Ивона Бояджиева

| Сара Герчинская

| Юстына Кошинская

| Адам Мюлер

| Вероника Пек

| Джонатан Сквил

| Александра Вагнер

Якуб Барщевский, PhD – преподаватель социологии Белостокского университета. Исследовательские интересы: критическая теория, социология Глобального Юга, деколониальная теория, контргегемонная глобализация и творчество. Его докторская диссертация посвящена понятию контргегемонной глобализации, разработанному Боавентурой де Суса Сантосом. Автор книги о дискурсе творчества в условиях постфордизма.

Александра Бернацкая – аспирантка Высшей школы социальных исследований факультета теории культуры Института философии и социологии Польской академии наук. Исследовательские интересы: сравнительные исследования киноремейков в контексте глобализации, теория перевода, история идей, исследования рецепции. Защитила две магистерских диссертации в Варшавском университете: по польской филологии и по исследованиям американской культуры.

Ивона Бояджиева – выпускница факультета социологии Ягеллонского университета в Кракове. Работает над докторской диссертацией, посвященной дискурсам об окружающей среде. Также работает в неправительственном секторе, организовывая кампании за улучшение качества воздуха в Польше.

Сара Герчиньская – аспирантка Института польской культуры Варшавского университета. Основной интерес – исследования памяти. Состоит в группе изучения памяти о Холокосте; докторская диссертация посвящена польским биографическим музеям. Является членом редакционного совета журнала *mała kultura współczesna* и экскурсоводом Национальной галереи искусств «Захента» в Варшаве.

Юстына Коциньская – аспирантка Варшавского университета. Область интересов: городская социология, социальное участие, социальные классы и стратификация. Докторская диссертация посвящена пространственной доступности общественных сервисов. С начала 2019 года является координатором польской редакции «Глобального диалога».

Адам Мюллер – специалист по количественным исследованиям, сотрудник Национального института обработки информации. Имеет степень бакалавра и магистра Варшавского университета. Область интересов – изменение моделей высшего образования и применение автоматических методов обработки естественного языка в социальных исследованиях.

Вероника Пек – магистрантка программы исследований английского языка и литературы Варшавского университета. Область интересов – когнитивная лингвистика, концептуальные метафоры, исследования дискурса, феминистская литературная критика.

Джонатан Сквил – аспирант социологии Варшавского Университета и докторской программы Высшей школы социальных наук (*EHESS*), финансируемой французским правительством. Область интересов – социология религии и знания, социальная антропология и история идей. Диссертационное исследование посвящено восприятию джихадистского терроризма в Европе на примере Франции и Польши.

Александра Вагнер – бакалавр и будущий магистр Института прикладных социальных исследований Варшавского университета. Исследовательские интересы: социология семьи, родительства и брака.